

Глава XIII. Русско-японская война: от Ялу до Ляояна

Недопущенная вариантность

Военная историография русско-японской войны столь обширна и столь детально проработана специалистами в области стратегического планирования, тактики сухопутных и морских сил, вооружений, боеприпасов и технических средств борьбы, дипломатами, политологами, экономистами и многими другими, что нам нет никакого смысла в заключительных главах пытаться отыскать в хорошо известной последовательности событий новые факты, имена или обстоятельства. Да и цель нашей работы в другом: на обширной ретроспективе отыскать закономерности, понять причины и смысл движения, созидавшего величайшую из империй, но не сумевшего дать ей ни достаточно внутренней прочности, ни сил для прочного, фундаментального утверждения своих идей – предсказанного В.Соловьевым, но так и не состоявшегося *Pax Russe*.

Мы убедились, что появление и последующее закрепление России в Маньчжурии и Ляодунском полуострове, у берегов теплого Желтого моря, не были чьей-то "авантюристической выходкой", а представляли собой естественный результат существования и развития русского социума в рамках модели экспансии, оказавшейся единственно приемлемой для него на историческом переломе XVI–XVII веков. Экспансия отнюдь не должна была оставаться перманентной, и в закрепляющихся на новых территориях консорциях регулярно зачинались процессы, в перспективе позволявшие перейти к новым, более сложным отношениям, ориентированным на развитие и гармонизацию внутренних элементов вмещающей их системы. Однако эти процессы не успевали получить развития, достаточного для появления плодов, – общество никак не находило баланса между обустройством и борьбой и, подобно всаднику, знающему, что после остановки смертельно уставшую лошадь уже не поднять, все туже и сильнее напрягало удила в смертельном галопе.

Длительное культивирование акматического идеала, направленного на экспансию, не только позволило создать величайшее на Земле государственное образование, но и во многом сформировало и национальный характер русского человека. Но

сложность, полнота, синкретичность мировосприятия, контрастность и беспощадная жертвенность русской души были востребованы не только в великих походах. Соединенные с "трудолюбием, дарующим свободу", они смогли бы дать – и местами давали – пример гармоничного и справедливого обустройства своей земли, предложив миру живую и привлекательную альтернативу глобальной модели сегодняшнего дня, развившейся из недр вселенского индивидуализма и схоластической рациональности искателей "философского камня"²⁴⁸. Но почему-то Истории на том ее витке не суждено было дать возможности этому свершиться.

Стало почти необсуждаемой истиной, что поражение в русско-японской войне не только явилось поворотной точкой трагического переустройства России и прологом последующих грандиозных потрясений в Азии (китайская революция) и Европе (мировая война), но и было объективно, непреложно предопределено. Однако ни с первым, ни со вторым положением автор не намерен соглашаться.

Не без потерь преодолев последствия мятежных 1905–1907 гг., Россия в конечном итоге сумела – по сути, впервые в своей истории, – сконцентрироваться на внутреннем развитии, и за неполные семь лет, до начала тяжелейшей войны с Германией и Австро-Венгрией, успела поразить мир невиданными темпами и качеством роста. Революция 1917 года, уничтожившая старую, историческую Россию, не была жестко и неотвратимо предопределена ни вступлением России в мировую войну в августе 1914 года, ни трагическим в своей неожиданности и локализации стечением обстоятельств, ослабивших и сокрушивших власть, армию и само государство в феврале 1917-го – в преддверии уже подготовленного тотального наступления, вместе с усилиями союзников к концу года почти гарантированно сокрушившего бы австро-германский блок и обеспечившего бы мир, способный дать России долговременную безопасность на западных границах, контрибуцию с побежденных, достаточную для погашения большей части финансовых потерь и долговых обязательств плюс законное экономическое доминирование в странах и на рынках Южной и Восточной Европы. Первая мировая война, завершись она победой Антанты при

²⁴⁸Традиция европейской антропоцентристской культуры выросла из обретшей необычайную силу идеи личностного спасения – реакции на характерное для мироощущения Римской церкви резко-уничтожительного восприятия физического, плотского мира. Преодолев свой религиозный архетип, традиция культурного индивидуализма действительно стала католической, сиречь вселенской.

ведущей роли России, стала бы для нашей страны последним и *завершенным* испытанием старого акматического идеала, после чего, уже обладая беспредельными территориями, ресурсами и сферами влияния на Востоке, в Центральной и Передней Азии, на Балканах и в Восточной Европе, Россия, более не опасаясь, как в XVII веке, утраты национальной самоидентичности, смогла бы приступить, наконец, к обустройству самой себя.

Но и поражение в русско-японской войне могло иметь для России аналогичный эффект: переключение на решение внутренних проблем. Ведь что при поражении, что и при победе, достигнутой ценой сильнейшего долговременного напряжения сил и колоссальных жертв, прежние, ориентированные на экспансию и количественный рост акматические координаты должны были сгореть, исчезнуть, уступив место более земному и мирному целеполаганию. Безусловно, выход к теплому Желтому морю был желателен и продуктивен для экономического развития дальневосточных владений России, однако расположенное на широте Белграда, Сочи и Верного²⁴⁹ русское Приморье являлось вполне приемлемым полем для перенацеливания тех усилий и проектов, которые страна во множестве разбросала среди бескрайних маньчжурских сопок и зарослей гаоляна²⁵⁰.

Так, несмотря на объективные климатические, демографические и транспортные трудности, русское Приморье на рубеже веков поражало и восхищало темпами и качеством своего развития. Стремительно росла торговля, одно за другим возводились промышленные предприятия, за право работы здесь конкурировали крупнейшие российские банки, открывались представительства зарубежных компаний. Динамично развивался заложенный среди диких сопок Владивосток, на глазах превращаясь в промышленный, транспортный и торгово-финансовый центр мирового уровня, активно вступавший в конкуренцию с Шанхаем, Гонконгом и Нагасаки. Современники уже сравнивали Владивосток с Одессой и прочили ему блестящее будущее.

²⁴⁹совр. Алматы.

²⁵⁰Гаолян (сорго) стал одним из символов, прочно связанных с русско-японской войной. На маньчжурских черноземах гаолян обладал невиданной по среднероссийским меркам урожайностью, приводившей солдат – вчерашних малоземельных крестьян – в почтительный восторг. Зерно гаоляна использовалось в пищу, его гигантские листья (до 75 см в длину) служили хорошим кормом для лошадей. Гаоляновые плантации с густыми, до 3 метров в высоту, зарослями, неоднократно превращались в поля сражений.

Для строительства здесь "новой Америки" имелось практически все, и, прежде всего, в достатке был куда более ценный, чем южные моря или капитал, ресурс – люди. Сибирская этносоциальная консорция была единственной в России, где генезис предпринимательской культуры происходил естественным путем, без корректировок и ограничений, накладываемых интересами властей или "военного дела". Она отличалась более высокой социальной однородностью и для нее был характерен акматический идеал, нацеленный уже не столько на покорение, сколько на преобразование среды проживания. Подобно тому как после "воинствующих в аскезе" протестантизма пионеров, открывших американское Западное побережье, в Калифорнию, Орегон и т.д. перебрались и освоились трудолюбивые и невзыскательные обыватели из американского "иммиграционного коктейля", так же и русский Дальний Восток, после неизбежного в свой черед ухода с первых ролей военных, перешел бы в ведение уже вполне сформировавшегося на сибирских просторах гражданского общества. Как знать, быть может, в условиях подобного рода географического перенаправления гражданской энергии на "престижный", как мы уже писали об этом, Восток исчез бы и социальный заказ на буржуазно-демократическую революцию 1905–1907 гг.²⁵¹?

Не мной подмечено, что любой человек, погружающийся в анализ событий и обстоятельств русской истории начала XX века, поражается поистине бескрайнему множеству исторических возможностей и вариантов развития, в полной мере способных увести страну с гибельного пути, приведшего к революциям и национальной катастрофе. То же самое, только в более локальном контексте, относится и к военной истории русско-японской войны. В

²⁵¹Сохранились свидетельства – сегодня в них трудно поверить – о том, что понимание важности успеха дальневосточной политики правительства для обеспечения будущего страны было свойственно силам, казалось бы, далеким от "русской идеи", но заинтересованным в экономической перспективности своего пребывания в составе империи. Из воспоминаний А.И.Деникина: "В Закавказье с объявлением войны <с Японией. – Авт.> состоялся ряд патриотических манифестаций мусульман, а закавказский шейх Уль-ислам обратился к своим единоверцам с воззванием "в случае надобности принести и достояние, и жизнь". Даже Финляндия, которая бойкотировала в то время указ о привлечении ее граждан к воинской повинности, сделала приличный жест: ее сенат обратился с телеграммой к государю, свидетельствуя о "непоколебимой преданности государю и великой России", и ассигновал 1 млн. марок на военные нужды...". Лишь польское общество, гордо почитавшее себя "европой" и не желавшее признавать никаких перспектив, связанных с Россией, встретило "объявление войны жутким молчанием, по внешности равнодушием, за которым скрывалось недоброжелательство и тайные надежды на изменение судеб Польши" [212].

реальности эта война была совершенно отличной от того образа, который сформировало для нее надломленное общественное сознание. Да, война с Японией оказалась для России – по-настоящему не воевавшей, в отличие от своего молодого противника, уже целых 26 лет, – исключительно тяжелой: начиная с нерешенности вопросов стратегического планирования и развертывания войск, негодных и устаревших тактических догм, трудностей с коммуникациями, неэффективности принятия решений, дефицита современных вооружений и кончая неблагоприятной международной обстановкой... Но даже в этих условиях борьба велась практически на равных и, по прошествии ее первых месяцев, стратегические возможности и преимущества России, элиминированные, казалось бы, первоначальными успехами японских войск, начинали медленно, но неотвратимо повышаться. Русские сухопутные силы и флот имели, как мы увидим, много возможностей завладеть инициативой и обратить исход войны в свою пользу. Даже непосредственно перед заключением Портсмутского мирного договора, положившего конец войне, русская армия, накопившая резервы и твердо стоявшая на неприступной для противника Сипингайской позиции [213], имела все шансы взять верх, переиграв противника в схватке, которая из “старой” войны маневра и полководческого гения все более превращалась в типичную для наступившего века “войну на истощение”, “войну ресурсов”. Однако почему-то этого не случилось.

Ответ на этот вопрос занимает умы на протяжении уже более ста лет. Но на фоне хорошо известных объективных обстоятельств часто от внимания ускользает такая странная особенность русско-японской войны, как отсутствие военной удачи, везения, выигрыша при равных. Точно какая-то неведомая сила, вопреки грамотному расчету, мужеству, коллективной и личной воле всякий раз отдавала успех противной стороне. “Бог счастья не дал” – только так в ту пору многие могли объяснять происходящее. Война началась, велась и завершалась для России с мистической обреченностью на неуспех.

Были ли у России шансы победить? Насколько паритетной была борьба? Насколько серьезной оказалась для ее исхода фатальная неудачливость и имелись ли для нее объективные причины – судите сами.

**Японский удар
ожидался и был
отбит**

Не секрет, что и по сей день в массовом сознании не изжит образ первой японской атаки на Порт-Артур, состоявшейся, якобы, на фоне беззаботного веселья ничего не подозревающих офицеров и адмиралов на именинах супруги командующего Первой тихоокеанской эскадрой адмирала Старка. Этот стереотип, сразу же после начала войны заполонивший первые полосы большинства отечественных газет, с авторитетными ссылками на английские и американские первоисточники, был, к сожалению, воспроизведен и в вышедшем в 1938 году романе А.Н.Степанова "Порт-Артур", по которому многие до сих пор судят о событиях той поры. Газеты писали примерно следующее: "Вечером 8 февраля²⁵² роскошно убранные залы во дворце адмирала, командующего русской эскадрой в Порт-Артуре, сияли тысячами огней, отражавшихся на блестящих эполетах и золотом шитье мундиров офицеров этой эскадры. Гремел бальный оркестр, и нарядные пары кружились в упоительном вальсе. Это был бал, данный по случаю имени супруги адмирала миссис Старк. Вдруг раздались минные взрывы на рейде. Переполошившиеся танцоры бросили своих дам и в панике побежали на набережную. Но было уже поздно: поврежденные корабли мертвой массой лежали на боку, залитые водой" [214].

Единственная правда в этом сюжете, увы, прочно вошедшем в массовое сознание – это то, что супругу Старка действительно звали Марией, и что на 26 января (8 февраля) приходится день Марии, жены преподобного Ксенофонта Константинопольского²⁵³. Не было ни бала, ни набережной – тем более, из города в принципе невозможно наблюдать что-либо происходящее на неосвещенном внешнем рейде, по большей части линии видимости скрытого от глаз отрогами полуострова Ляотешань и так называемым Электрическим утесом. Эскадра, как мы уже писали, находилась в состоянии повышенной боеготовности, планируя на утро боевой поход; в дозоре на 20-мильном расстоянии от рейда крейсировали два миноносца, а два дежурных крейсера, стоя под парами, были готовы по сигналу командующего немедленно сняться с якоря. На всех кораблях – кроме двух "дежурных по освещению" – с

²⁵²Новый стиль, иначе 26 января

²⁵³Совершенно очевидно, что "история с именинами" могла родиться лишь в головах малознакомых с русской жизнью иностранных журналистов: в православном календаре 1904 года числилось 28 дней, которые могли служить именинами для женщины с именем Мария. Кстати, в современном церковном календаре таких дней – за счет памяти новомучениц – уже 47.

наступлением ночи поддерживалось полное затемнение; готовые к отражению торпедной атаки, повсеместно были заряжены орудия противоминной артиллерии, и лишь из-за категорического запрета из Санкт-Петербурга, панически боявшегося спровоцировать неизбежную войну, не были опущены в воду противоминные сети [215].

Как мы помним, успеху японской минной атаки, предпринятой в ночь на 27 января, способствовали i) удачное размежевание 10 вышедших для атаки японских миноносцев с двумя русскими дозорными миноносцами, ii) визуальная различимость в момент атаки "дежурных по освещению" броненосца "Ретвизан" и крейсера "Паллада", iii) визуальная различимость броненосца "Цесаревич", командир которого, с целью улучшения условий стрельбы, приказал включить прожектор и освещать атакующие миноносцы [216], а также iv) отсутствие связи с береговыми батареями, расчеты которых до самого утра не знали подробностей ночного боя. К тому же необходимо отметить, что, несмотря на демонстративно подчеркиваемую неожиданность японской атаки, вахтенный офицер броненосца "Ретвизан" лейтенант Разводов заметил разворачивающиеся для минной атаки японские миноносцы ровно за 2 минуты до взрыва торпеды и успел приказать открыть огонь. Буквально нескольких секунд не хватило для того, чтобы первый боевой выстрел в этой войне считался все-таки произведенным не из японского торпедного аппарата, а из русского орудия²⁵⁴.

Русский флот атакует

Несмотря на понесенные потери, русские морские силы в ходе ночного боя были лишь ослаблены. Боеспособность эскадры была в полной мере сохранена, что удалось продемонстрировать уже на следующий день, когда японская эскадра в составе 15 кораблей предприняла повторную атаку внешнего рейда Порт-Артура. Тогда, по первому

²⁵⁴В историографии русско-японской войны существует точка зрения, что первые два выстрела русско-японской войны были произведены с канонерской лодки "Кореец" в 16 часов 40 минут 26 января возле шхер корейского порта Чемульпо, где отряд японских крейсеров под командованием адмирала Уриу воспрепятствовал ее движению в Порт-Артур. Командир "Корейца" капитан 2 ранга Г.П.Беляев утверждал, что открыл огонь после того, как "видел след торпеды" [217]. Так или иначе, но сделанные с "Корейца" два предупредительных выстрела были зафиксированы и японской стороной, и на судах нейтральных стран, находившихся в Чемульпо, – однако, в силу отсутствия в тот момент состояния боя, эти выстрелы следует отнести, скорее, к предупреждению или демонстрации.

же сигналу тревоги, находившийся на берегу с докладом у заместника адмирала Старк сумел вернуться на эскадру, построить ее в кильватерную колонну и выйти на сближение с атакующим противником. Бой был недолгим: после первых залпов береговых батарей японский флот поспешил отойти, а русская эскадра предпочла не покидать прикрываемой их огнем 11-километровой зоны²⁵⁵. Все участвующие в бою суда серьезно не пострадали, хотя русские корабли получили 38 попаданий против 11 попаданий у японцев – сказывалась недостаточная натренированность наших канониров к стрельбе на больших (свыше 30 кабельтовых) дистанциях. Именно в этом бою отличился легендарный легкий крейсер "Новик", демонстративно атаковавший флагман японского флота броненосец "Микаса" и сумевший под сильнейшим огнем неприятеля сблизиться с ним на расстояние 18 кабельтовых.

**Подвиг "Варяга":
мужество,
помноженное на
фатализм**

Ранним утром того же дня в тот же день в порту Чемульпо – "морских воротах" Сеула – под прикрытием 5 японских крейсеров завершилась высадка 10 тысяч японских военнослужащих в составе 4 батальонов, с лошадьми и легким вооружением. Сразу же после высадки сводный японский отряд в количестве полутора тысяч человек на поезде отправился в Сеул для оккупации корейской столицы. Находившийся в порту в качестве стационара бронепалубный крейсер "Варяг" и мореходная канонерская лодка "Кореец" не решились оказать сопротивление высадке, а в 9:30 командир "Варяга" В.Ф.Руднев получил ультиматум Уриу с требованием до 12:00 покинуть "нейтральный" порт, в противном случае кораблям угрожали атакой на внутреннем рейде. "Варяг" с "Корейцем" предприняли попытку прорыва, во время которой у прибрежного острова Иодолми произошел короткий, но интенсивный и очень кровопролитный бой. Несмотря на впечатляющее численное превосходство противника (шесть против двух, не считая миноносцев), реальную опасность для ультрасовременного "Варяга" – "одного из лучших крейсеров мира"

²⁵⁵ До апреля 1904 г. на станках 10-дюймовых береговых батарей по указанию Главного артиллерийского управления были закреплены особые приливы, ограничивающие угол возвышения под дальность стрельбы 60 кабельтовых вместо допустимых 110 (20.3 км) – чиновники сочли, что стрельба на большие расстояния приводит к неоправданному расходу боеприпасов. Не без труда и волокиты, "вредительские" приливы позднее были демонтированы под личную ответственность возмущенного их наличием адмирала Макарова [218].

того времени, представлял лишь броненосный крейсер "Асама"²⁵⁶. Собственно, артиллерийская дуэль в бою при Чемульпо велась в основном между "Варягом" и "Корейцем", с одной стороны, и "Асамой", "Чиодой" и "Нанивой" (легкие крейсера) с другой. Обладая "Варяг" в январе 1904 года заявленной проектной скоростью²⁵⁷ – и он имел бы все шансы эффектно завершить прорыв и уйти в Желтое море. Ведь даже с учетом повреждений от огня противника, полученных им на малой скорости в условиях сильного, до 10 узлов, встречного течения, "Варяг" сохранял и ход, и плавучесть, и возможность ручного управления поврежденным рулевым устройством. А канонерская лодка "Кореец", в силу небольших размеров трудноуязвимая для вражеского огня (ни одного попадания в течение боя), пользуясь преимуществом своей малой осадки, вполне могла предпринять прорыв к юго-востоку от главного фарватера, по мелководному и недоступному для вражеских крейсеров Заливу Императрицы.

Но, как известно, ничего подобного не произошло. Неудовлетворительное техническое состояние крейсера и отсутствие рядом с ним сил поддержки в составе хотя бы еще 1–2 легких крейсеров сделали прорыв невозможным. "Там, где надо было себя не щадить, русские выполняли свой долг до конца. В неравном бою они выпустили по нападавшим японцам 1,100 снарядов. Японцы никогда не сообщали, какие повреждения нанес им "Варяг" [219].

Оказавшись легкой малоподвижной мишенью для орудий японских крейсеров и фактически остановившись перед разворотом у острова Иодолми, "Варяг" получил 5 подводных пробоин, лишился

²⁵⁶Помимо лучшей защиты, "Асама" был вооружен 8-дюймовой артиллерией против 6-дюймовых орудий "Варяга". За период боя в "Варяг" трижды попадали 8-дюймовые снаряды, причинившие максимальные разрушения.

²⁵⁷"Варяг" отличался уникальным для своего времени сочетанием скорости, броневой защищенности и огневой мощи. По данным военно-морских справочников 1901 г., когда крейсер сошел со стапелей верфи Крампа (Филадельфия, США), "Варяг" считался самым быстроходным в мире крейсером. Истинным назначением такого корабля должно было стать "истребление защитников торговли", т.е. борьбы на океанских коммуникациях с вооруженным прикрытием торговых судов – миноносцами, легкими и бронепалубными крейсерами. К сожалению, установленные на "Варяге" экспериментальные паротрубные котлы системы Никлосса имели серьезные конструктивные дефекты: постоянно лопающиеся трубки приходилось регулярно перебирать в условиях портового ремонта, также нуждались в замене подшипники пропульсивного комплекса корабля. Поэтому, если на испытаниях в 1901 году "Варяг" развивал скорость до 25.7 узлов, к 1904 году он мог безопасно ходить лишь на 15–17 узлах. Для проведения полноценного ремонта крейсера командование ходатайствовало о направлении в Порт-Артур специалистов Невского завода, до прибытия которых "Варяг" пришлось использовать в качестве стационара.

всей легкой артиллерии и 5 из 6 шестидюймовых орудий; потери в личном составе составили 31 человек убитыми и 190 ранеными. По меркам мирного времени, которым все еще продолжали жить, повреждения и потери были ошеломляющими. В этих условиях командир "Варяга" принимает единственно возможное решение: затопить крейсер и взорвать канонерскую лодку. Также был потоплен прицельным артиллерийским залпом своих и оказавшийся на рейде Чемульпо русский торговый пароход "Сунгари". Уцелевшие члены экипажей были приняты на борт французских, английских и итальянских кораблей²⁵⁸. Спустя несколько месяцев все интернированные нейтральными странами русские моряки вернулись домой под "джентльменскую" расписку о своем дальнейшем неучастии в данной войне.

Героизм экипажей "Варяга" и "Корейца" в бою под Чемульпо по любым меркам очевиден, и попытки ряда современных исследователей оспорить его, делая упор на теоретическую возможность прорыва (даже при "загубленных невежественными русскими механиками" сверхскоростных американских машинах "Варяга" [220]), – не заслуживают обсуждения в силу хотя бы элементарного антиисторизма – непосредственным участникам событий будущее представляется куда менее ясным, нежели его исследователям. Тем не менее обращает на себя внимание совершенно избыточный общественный резонанс, который получила в России история крейсера, не побоявшегося вступить в безнадежный и самоубийственный бой. Ведь и капитаны Руднев и Беляев, и их подчиненные, и команды нейтральных кораблей, перед боем отдавшие русским морякам должные почести, прекрасно знали, что они идут на верную смерть, это понимали и в Санкт-Петербурге, анализируя уже первые сообщения из Чемульпо, об этом догадывался и германский студент Рудольф Грейнци, откликнувшийся на них восторженным стихотворением, в русском переводе Евг. Студенской ставшего знаменитой песней "Наверх вы, товарищи..."²⁵⁹. Общество желало, было готово и в конечном итоге

²⁵⁸Единственным иностранным кораблем в Чемульпо, отказавшимся принять русских моряков, стал американский стационар "Виксбург", командир которого заявил о нежелании "нарушать нейтралитет".

²⁵⁹Вторая известная песня о "Варяге" – "Плещут холодные волны" – написана на стихи Я.Репнинского, чиновника из Санкт-Петербурга, опубликованные 17 февраля 1904 г. в газете "Русь". Подобно тому как автором музыки к стихам Грейница–Студенской был "непрофессионал" – музыкант Астраханского гренадерского полка А.Турищев, вторая "варяжская" песня также была озвучена любителем-музыкантом Ф.Богородским.

приняло именно подвиг коллективного самоубийства – хотя еще совсем недавно, казалось бы, в цене были мотивации успеха, результата, преодоления, победы, но только не героизируемой смерти. Страна, уставшая от бесконечных эманаций не менявшегося веками акматического идеала, с бессознательным восторгом привечала гибель своих сыновей у чужих берегов. Этот настрой большинства соотечественников, восславлявший смерть в незнакомой, абстрактной Маньчжурии и в водах не менее фантастического Желтого моря, со скоростью телеграфа проникал в войска и на флот, если и не парализуя способность к сопротивлению, то лишая многих и многих воли к осознанной борьбе. А родившаяся сразу же после 26 января в столицах и прокатившаяся по стране волна студенческих тостов "за победу японского оружия над нашим деспотизмом" дополнительно усиливала нараставшее чувство бессмысленности активного, деятельного и ясного в своих целях сопротивления²⁶⁰.

В последующих событиях русско-японской войны будет немало трагических эпизодов, когда, даже имея выбор к спасению, русские моряки и солдаты предпочитали смерть. Именно так под Порт-Артуром, в ночном бою 26 февраля 1904 года, погиб миноносец "Стерегущий", остатки экипажа которого отклонили поступившее с взявшего его на abordаж японского корабля предложение о сдаче в плен –

...И вмиг отворили кингстоны
И в бездну морскую ушли.
Без ропота даже, без стопа,
Вдали от родимой земли.

Во время обороны Порт-Артура, при защите ключевой горы Высокой (знаменитой высоты 206), гарнизон укреплений которой насчитывал полторы тысячи человек, солдаты и офицеры с других участков приходили сюда драться и умирать совершенно добровольно. Овладев Высокой после ожесточенного

²⁶⁰Власти, с максимальным пропагандистским эффектом обставив возвращение в Россию уцелевших 697 моряков с "Варяга" и "Корейца", тем не менее прекрасно осознавали отсутствие в их подвиге фундаментальных мотиваций – вследствие чего сразу же после награждения наградами IV степени (матросы – Военным орденом, офицеры – Св.Георгием) вместо законно полагающейся в подобных случаях III [222] команды были расформированы по различным экипажам и флотам и более никогда не собирались вместе для официальных мероприятий. Часть "варяжцев" вскоре отличится в антиправительственных выступлениях, а в октябре 1905 года "за сочувствие к революционным настроениям" будет отправлен в отставку с должности командира 14-го флотского экипажа и сам капитан Руднев.

десятидневного боя, японцы предали земле более трех тысяч ее защитников [221].

Именно с подобной фаталистической обреченностью адмирал Рожественский, имея выбор из четырех возможных маршрутов, принял решение идти к Владивостоку курсом абсолютно убийственным, через наглухо перекрытый японским флотом Корейский пролив – к Цусимским островам. А общественное мнение, подобно чуткому камертону, не только улавливало нарастающий в сражающихся частях фатализм, но через акцентирование наиболее трагических и гибельных эпизодов невольно ретранслировало в войска леденящее чувство обреченности – выходом из которого становился не “лихой” боевой успех, а героическая смерть. И если японские солдаты шли в атаку с простым и ясным пониманием того, что они проливают кровь за свое жизненное пространство и национальное самоутверждение, то многие действия с нашей стороны напоминали жертвоприношение – во имя акматической идеи, для дальнейшего утверждения которой уже не оставалось земли, только неприветливые воды Желтого моря.

Тем не менее подобные мотивации, несмотря на свою распространенность, все же являлись предельным состоянием, проявляемым в наиболее тяжелые и критические моменты. Вооруженные силы Российской империи на Востоке, как хорошо отлаженный механизм со здоровой основой целеполагания, по-прежнему оставались готовыми к выполнению поставленных задач. Обвиненные “общественным мнением” в безынициативности и даже трусости русские военачальники – Куропаткин, Витгефт, Линевиц и другие, – на самом деле как раз и смогли, путем грамотного развертывания и маневрирования, обеспечить выживаемость вверенных им войск и флота в условиях ограниченности стратегических ресурсов и утраты инициативы. Массовое сознание жаждало зрелищного, убийственного, пусть с самыми призрачными шансами на успех, боя, – в то время как во многом благодаря их разумности и осторожности русские силы – даже с учетом трагической судьбы порт-артурского флота – сумели сохранить организацию, управляемость и избежать тотального разгрома, подобно случившемуся со Второй тихоокеанской эскадрой под Цусимой.

**Война началась –
сосредоточьтесь!**

Но вернемся ко второму дню войны. О бое "Варяга" и "Корейца" в Чемульпо, произошедшего в середине дня, в Санкт-Петербурге – с учетом 8-часовой разницы во времени – узнали ранним утром того же дня. К тому времени успели подойти и сообщения о ночной атаке и утреннем бое у Порт-Артура. Теперь уже без промедления император Николай II подписывает манифест об объявлении войны Японии. Наместник Алексеев, более не опасаясь окриков из столицы, выпускает полноценные приказы о мобилизации на вверенном ему Дальнем Востоке. К береговым батареям Порт-Артура наконец-то (!) подвозятся снаряды. На территорию Кореи вводятся конные казачьи части генерала П.И.Мищенко, на военный режим эксплуатации переводятся железная дорога и телеграф. И только на следующий, третий день, рескрипт об объявлении войны выпускает император Японии.

В последний день января затонул, подорвавшись на mine, порт-артуровский крейсер 2-го ранга "Боярин", ставший, после "Варяга", второй крупной безвозвратной потерей флота. А 1 февраля три казачьих полка открыто перешли по льду реку Ялу и, невзирая на слабые попытки сопротивления со стороны корейских пограничников, начали продвижение на юг, в направлении Пхеньяна.

Наступивший февраль прошел в тревожном предвкушении близящихся битв. Обе стороны сосредоточенно осуществляли развертывание войск: Япония, пользуясь почти достигнутым господством на море²⁶¹, неторопливо перемещала в корейские порты свои сухопутные армии, артиллерию и припасы; русские казачьи полки неспешно продвигались им навстречу; началась переброска войск из европейской части России. Тогда же корабли эскадры Того, с целью запереть русскую эскадру во внутренней гавани, предприняли ряд безуспешных попыток перегородить грузженными камнями и угольной пылью брандерами узкий проход на внешний рейд Порт-Артура²⁶². А уже 8 февраля передовые казачьи разъезды

²⁶¹Говорим "почти" потому, что уже в первых числах февраля крейсера владивостокской эскадры сумели потопить у берегов Кореи японский воинский транспорт "Наконоура-Мару". Летом 1904 г. действия владивостокских крейсеров на некоторое время едва не парализовали морские коммуникации противника.

²⁶²В отражении атаки японских брандеров под прикрытием миноносцев большую роль сыграла артиллерия лежавшего на мели у выхода на внешней рейд броненосца "Ретвизан". С целью взорвать обездвиженный броненосец и тем самым окончательно закрыть выход из гавани, 10 февраля на "Ретвизан" были специально направлены два

имели первую стычку с японским авангардом в окрестностях Пхеньяна.

За первые две недели февраля 1904 года, в рекордно короткий срок, был проложен и вступил в строй участок Транссиба по льду озера Байкал²⁶³. Для уменьшения нагрузки на лед вагоны расцепляли и частично разгружали, солдаты переправлялись через Байкал пешим 44-верстным маршем, офицеров же и гражданских лиц пересаживали в санные повозки. Вагоны по льду Байкала также перемещались конной тягой. Несмотря на необходимость из-за появления ледовых торосов и трещин постоянно перекладывать отдельные участки пути, ледовая переправа работала вполне сносно: в сутки удавалось обрабатывать до четырех пар поездов. Строительством ледовой переправы и организацией движения по ней руководил лично министр путей сообщения России князь М.И.Хилков, из-за постоянного пребывания на открытом воздухе и морозе сделавшийся к концу марта совершенно больным человеком [224].

7 февраля указом Николая II на должность главнокомандующего сухопутными силами в Маньчжурии был назначен и немедленно отбыл к войскам военный министр генерал-адъютант А.Н.Куропаткин – к тому времени успевший снискать репутацию одного из лучших стратегов в Европе. Правда, и общественное мнение, и войска отнеслись к этому назначению без энтузиазма: образ умного штабного генерала не вязался ни с ожиданием динамичной победоносной кампании, ни с подсознательным настроем на героическую гибель. А 24 февраля – по удачному совпадению, в день долгожданного снятия с мели "Ретвизана", – в Порт-Артур прибыл вице-адмирал Степан Осипович Макаров.

снаряженных взрывчаткой брандера. Оба были уничтожены, причем один из них – "Хококу-Мару" – удалось остановить буквально в 30–40 метрах от корпуса "Ретвизана". "Хококу-Мару" прославился тем, что пожар на нем продолжался целую неделю, и для его тушения из Порт-Артура специально вызывалась городская пожарная команда [223].

На фоне, казалось бы, успеха морской обороны Порт-Артура обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Экипажи японских брандеров, шедших на верную смерть, было решено укомплектовать добровольцами-камикадзе. В желающих стать таковыми в эскадре Того недостатка не было, и вскоре семьдесят добровольных самоубийц с почестями, после богатого прощального ужина, данного лично адмиралом Того, вышли на задание. Однако, несмотря на уничтожение русским огнем *всех* брандеров, из 70 камикадзе 69 удалось спастись! Словно сама Судьба, благоволившая к молодой и энергичной державе, отводила смерть от жаждавших ее принять!

²⁶³Строительство Круглобайкальской железной дороги, из-за крайне высокой инженерной сложности не осуществленное при прокладке основного восточносибирского пути Транссиба, будет завершено только к сентябрю 1904 года.

Адмирал Макаров считался идеологом активной и маневренной морской войны; в свое время, на войне с Турцией 1877–1878 гг., имея в своем распоряжении... коммерческий пароход Добровольного флота "Великий князь Константин", наскоро перевооруженный в легкий крейсер²⁶⁴, он прославился бесшабашным рейдерством и эффектными ударами по турецкому побережью. Имя молодого черноморского офицера навсегда вошло в мировую военно-морскую историю первым боевым применением "самодвижущихся мин Уайтхеда", или торпед, залпом которых 14 января 1878 года на рейде Батума им был потоплен турецкий броненосец береговой обороны "Интибах", а за один лишь день 8 июня на дно отправились торговый бриг "Османия" и три транспорта, перевозившие полк неприятельской пехоты. Прибыв в Порт-Артур, Макаров энергично и деятельно приступил к улучшению защиты эскадры, впервые на отечественном флоте развернув комплекс мероприятий по борьбе с подводными лодками²⁶⁵, добился существенного роста огневой эффективности береговых батарей, всемерно форсировал ремонт поврежденных судов. Вице-адмирал не скрывал, что в его планы входит скорейший вывод эскадры на оперативный простор и попытка в маневренной морской войне отобрать у противника инициативу. Тогда, отвлекая силы вражеского флота на противодействие ядру своей эскадры, он позволил бы ее быстроходным легким крейсерам втянуть противника в жесткую войну на коммуникациях, радикально нарушив его планы по доставке войск и вооружений к театру военных действий.

**Звезда
адмирала
Макарова**

Тот стиль борьбы, который предлагал вице-адмирал Макаров, разумно сочетал риск и расчет. Именно в таком ключе давались России ее основные исторические военные победы. Несмотря на то, что в 1904 году и общество, и армия, и флот подспудно уже готовились к "последнему параду",

²⁶⁴Как известно, по итогам Крымской войны Россия лишалась права держать на Черном море полноценные боевые корабли

²⁶⁵К счастью, в русско-японскую войну противник не располагал подводными лодками (хотя и существует мнение, разделявшееся многими участниками порт-артурской обороны, что флагманский броненосец "Петропавловск" не подорвался на mine, а был торпедирован подлодкой с английским экипажем, негласно предоставленной Великобританией своей дальневосточной союзнице). Первые русские подводные лодки, появившиеся во Владивостоке в конце 1904 года, неоднократно выходили на патрулирование и даже несколько раз атаковали корабли противника, однако безрезультатно.

появление в Порт-Артуре энергичного адмирала мобилизовывало и возвышало дух. Макаров не был оптимистом, скорее наоборот, он всегда исходил из того, что даже в удачном бою потери сторон оказываются паритетными, а военная удача – отнюдь не лотерея, в которую выигрывают жизнь. Он любил повторять свою ставшую знаменитой фразу: "Военный человек должен свыкнуться с мыслью о смерти, и эта мысль должна казаться ему даже заманчивой". Однако за жизнь свою и своих подчиненных вице-адмирал всегда стремился взять максимально высокую цену. Как контрастно непохожа эта мысль Макарова на слова, приписываемые сменившему его адмиралу Витгефту: "Не все ли равно, где умирать..."

Правда, из-за затянувшегося ремонта кораблей Макарову приходилось ждать, направляя свою неутомимую энергию в улучшение морской обороны крепости, боевую подготовку экипажей и даже в отработку практики судовождения и связи в боевом строю, – везде им были обнаружены непростительные недочеты. Однако главное состояло в другом – в том, что даже в столь непростой обстановке было возможно и нужно действовать!

А между тем, в условиях пассивности русских сил, после бесстрашных боев первых дней войны ставшей для противника приятной неожиданностью, он все увереннее и увереннее брал инициативу в свои руки. Ранним морозным утром 22 февраля к Владивостоку приблизились 7 японских крейсеров, сумев в течение часа выпустить по городским укреплениям свыше 200 снарядов. Ущерб от обстрела был невелик, более за всю войну японский флот не осмеливался приближаться к Владивостоку, однако факт обстрела "коренного" русского форпоста стал важным пропагандистским козырем неприятеля. Аналогичное символическое значение имел и первый обстрел перекидным огнем из 12-дюймовых орудий броненосцев эскадры Х.Того укреплений Порт-Артурского района, случившийся 9 марта и безнаказанно повторенный спустя 13 дней.

Ранним утром 27 февраля на мачте эскадренного броненосца "Петропавловск" был поднят флаг вице-адмирала Макарова и, после выхода всех боеготовых кораблей эскадры на внешний рейд, отдан приказ "Сняться с якоря всем вдруг". Впервые – после вылазки первого дня войны – эскадра практически в полном составе вышла в море, и впервые, построившись в походный ордер, осмелилась покинуть акваторию, прикрываемую огнем береговой артиллерии. Столкновений с противником в тот день не было, однако выход эскадры стал неприятной неожиданностью для обоих адмиралов:

Х.Того имел возможность усомниться в эффективности установленной им "блокады", а С.О.Макаров – убедиться в явно недостаточных боевом опыте и навыках совместного плавания у большинства командиров его кораблей.

Следующий выход русской эскадры, состоявшийся 9 марта, оказался более результативным. Прежде всего, Макаров расстроил планы неприятеля, выведя свои тяжелые корабли из внутренней гавани на внешний рейд в малую воду (отлив). Под сигналом "Быть в строю кильватера", возглавивший колонну русских кораблей флагманский броненосец "Петропавловск" открыл огонь из 12-дюймовых орудий по головному броненосному крейсеру противника, постепенно распространяя его на другие корабли вражеской эскадры, в срочном порядке спешившие соединиться для противодействия. Оценив обстановку, Х.Того принял решение уклониться от боя, и японская эскадра на полных парах и не отвечая на огонь русских кораблей поспешила скрыться за горизонтом. Поход 9 марта, как всем казалось, радикально изменил соотношение сил под Порт-Артуром: японский флот, сохраняя позиционное преимущество, лишился инициативы, морская блокада крепости ослабла, противник был вынужден отложить планы высадки сухопутных сил на Ляодунский полуостров с целью наступления на Порт-Артур со стороны суши. А Макаров, развивая успех, спустя четыре дня, 13 марта, организует новый поход к островам Мяо-Тао. В ходе этого похода были потоплены японский транспорт и досмотрены несколько английских пароходов, направлявшихся в Китай. В ночь на 14 марта Х.Того, по-прежнему уклоняясь от открытого боя, предпринимает очередную попытку перекрыть выход русским кораблям из внутренней гавани Артура. Но атака брандеров будет отбита, и следующим утром японский адмирал в очередной раз получит возможность лицезреть в море русскую эскадру, предводительствуемую макаровским флагманом – броненосцем "Петропавловск".

В канун Пасхи, пришедшейся в 1904 году на 28 марта, с целью обеспечить охрану рейда и порта Макаров отдаст приказ двум миноносцам выйти в ночной дозор – "дабы остальные могли на короткое время забыть войну и сосредоточиться в молитве" [225]. В пасхальную полночь вице-адмирал лично прибудет на дежурные миноносцы и, пробыв на каждом более часа, словно соучаствуя в

"охранении тишины", к утру направится на берег, к богослужению²⁶⁶.

Увы, кипучей, агрессивной и разумной энергии Макарова, достаточной для сковывания японских морских сил, не хватило для того, чтобы своей и коллективной волей, нацеленной на победу и жизнь, заставить Судьбу переиграть выбранный ею роковой жребий. Поздним вечером среды 30 марта Макарову, находившемуся на борту крейсера "Баян"²⁶⁷, доложили о неопознанных судах, совершавших странные эволюции на подходах ко внешнему рейду – что, скорее всего, являлось постановкой неприятелем минного заграждения. Подобные инциденты происходили чуть ли не каждодневно, и реакция на них была вполне рутинной – по устному приказу вице-адмирала в море под прикрытием легких крейсеров посылался тралящий караван. И на этот раз офицер, сделавший доклад, несколько минут молча ждал от Макарова соответствующего распоряжения. Однако, по неведомой причине, командующий эскадрой подобного распоряжения не отдал, а приказал всей эскадре готовиться к выходу в море ранним утром. При этом, вопреки установившемуся в последние дни порядку находиться на крейсерах "Аскольд" или "Новик", вице-адмирал приказал перенести свой флаг на броненосец "Петропавловск". Офицер распоряжения принял, и, вопреки обыкновению, тралящий караван в тот день в море не вышел.

Утро четверга пасхальной седмицы 31 марта 1904 началось с известия о гибели практически всей команды и затоплении миноносца "Страшный". Отправившись накануне в район острова Эллиот в составе группы миноносцев для уничтожения вражеских транспортов с готовящимися для высадки войсками, "Страшный", в темноте отбившись от своих, вступил в кильватер группе охранявших остров японских миноносцев. С рассветом миноносец был обнаружен, окружен и принял последний неравный бой. Удрученная еще одной потерей, русская эскадра решительно и грозно направилась на сближение с основными силами Того. Первыми под огонь главных калибров русских броненосцев попали

²⁶⁶Адмирал Макаров был глубоко верующим человеком. Перед отъездом в Порт-Артур он исповедался и получил Святое причастие из рук Иоанна Кронштадтского

²⁶⁷Привычка С.Макарова периодически оставлять "командные высоты" на лучших броненосцах и переходить на средние, менее защищенные, но зато быстроходные и маневренные корабли была одним из принципов его командирской деятельности, нацеленной на результат и успех. Так, во время отражения атаки японских брандеров 14 марта, Макаров руководил огнем по неприятелю с борта... канонерской лодки "Бобр".

старые – сохранившиеся еще со времен войны с Китаем – японские броненосные крейсера "Мацусима", "Итцукусима" и "Часидате", прикрываемые доставшимся в качестве трофея бывшим китайским броненосцем "Чин-Иен". Обладая превосходством над данной группировкой противника, Макаров принял решение любой ценой добиться уничтожения хотя бы одного из его кораблей – без успеха и законной мести за гибель "Страшного" домой лучше было не возвращаться. Артиллеристы русской эскадры вели сосредоточенный огонь по тихоходным японским "ветеранам" и уже добились взрыва и пожара на крейсере "Хасидате", когда со стороны правого борта, наперерез строю эскадры, стали приближаться основные силы Того, на сей раз обладавшие полуторакратным превосходством. Мгновенно оценив обстановку²⁶⁸, Макаров принял решение выйти из атаки и вернуться под прикрытие береговых батарей. Маневр удался, эскадра практически без потерь и повреждений завершала концентрацию на внешнем рейде, когда в 11 часов утра корпус "Петропавловска" сотряс подводный взрыв. Мгновением позже еще один взрыв, на сей раз поистине чудовищной силы, разворотил корпус и большую часть надпалубных построек броненосца – от подрыва на mine сдетонировали носовые пороховые погреба. Случайная ночная задумчивость командующего, не озвучившего распоряжение о протралении рейда, обернулась катастрофой. Спустя 1 минуту и 43 секунды все, что еще оставалось от флагманского корабля, навсегда скрылось под водой. Вице-адмирал Макаров погиб на "Петропавловске" вместе с большей частью экипажа. Их судьбу разделил и находившийся на борту броненосца знаменитый художник В.В.Верещагин²⁶⁹.

Гибель "Петропавловска" ошеломила не только военных и гражданское население Порт-Артура, в отрешенном оцепенении, собравшись на прибрежных холмах Дачных мест, наблюдавшее за плавающими обломками грандиозного корабля и снующими между ними шлюпками спасательных команд. Потрясены были и японцы, на всем протяжении спасательной операции и "втягивания" эскадры на внутренний рейд не сделавшие, против обыкновения, ни одного выстрела [226]. Гибель "Петропавловска" с командующим на борту,

²⁶⁸Известно, что при сильном флоте противника С.О.Макаров отнюдь не недооценивал собственные силы, – он лишь считал, что они станут паритетными после завершения ремонта лучших броненосцев его эскадры "Ретвизан" и "Цесаревич". К сожалению, ремонт броненосцев завершился уже после гибели флотоводца.

²⁶⁹Среди чудом спасшихся был великий князь Кирилл Владимирович, сумевший удержаться на одном из обломков и подобранный подоспевшим миноносцем

в личности которого концентрировались надежды и позитивные ожидания, стала для всех мистической точкой поворота – не без колебаний преодолев которую, колесо роковых событий русско-японской войны стало неотвратимо набирать обороты.

Несмотря на то что во внутренней гавани Порт-Артура силами присланных из Санкт-Петербурга специалистов по судоремонту быстро и успешно завершилось восстановление линкоров "Ретвизан" и "Цесаревич", надежд, что флоту вновь удастся на равных посчитаться с эскадрой Того и завоевать инициативу, более ни у кого не оставалось.

Сражение на р.Ялу

Тем временем еще к 3 марта полностью завершилась высадка японской 1-й армии генерала Куроки в Корею и началось ее медленное продвижение на север, к пограничной реке Ялу.

Находившиеся на севере Кореи легковооруженные казачьи части генерала П.И.Мищенко, часто соприкасаясь с неприятельским авангардом, занимались исключительно разведкой и оценкой его сил. Не было предпринято никаких серьезных попыток задержать продвижение противника диверсионной работой или казачьими набегами – при том что японцы, при всей своей фундаментальной подготовке к войне, оставались никудышными кавалеристами. Русское командование рассчитывало – зачем-то опасаясь нарушить уже давно существовавший лишь на бумаге суверенитет Кореи – дать сражение японским силам на "своем", т.е. на маньчжурском, северном берегу Ялу. В этот район в начале марта выдвинулся так называемый Восточный отряд генерал-лейтенанта М.И.Засулича численностью 20 тысяч штыков. Войска Засулича в течение полутора месяцев неторопливо занимались устройством обороны в местах возможного прорыва на северном берегу, также нисколько не пытаясь противодействовать продвижению неприятельских сил²⁷⁰. Не встречая даже малейшего сопротивления, армия Куроки к 13 апреля достигла рубежа Ялу, а в ночь на 18 апреля осуществила переправу на участке, где из-за рассосредоточенности русских войск имела шестикратное (!) превосходство в живой силе. Основные

²⁷⁰Сами по себе оборонительные приготовления Восточного отряда были весьма условны. "Культивировавшееся в русской армии презрение к окопам сказало здесь в полной мере. Слабо укрытые и почти не замаскированные окопы были приготовлены только на несколько рот. Артиллерия стояла открыто на горных скатах, обращенных к противнику. В тылу позиции простиралась бездорожная гористая местность. Телеграфную связь, установленную по растянутому фронту Восточного отряда, противник в первом же столкновении легко прервал" [228]

русские войска в тот момент находились в 200 километрах к северу и никакой поддержки фронту Восточного отряда оказать не могли.

**Бой при Наньшине и
блокада Порт-Артура.
Первый настоящий
успех неприятеля.**

Добившись успеха на Ялу и более не считая порт-артурскую эскадру серьезной силой, японское командование приступило к высадке сухопутных сил на Ляодунском полуострове с целью быстрейшего

блокирования Порт-Артура с суши. Утром 22 апреля у местечка Бицзыво "высадился десант японских моряков и приступил к постройке пристаней. При малой воде шлюпки останавливались в 1 км от берега, откуда японская пехота шла почти по пояс в воде" [227]. Все попытки русского командования воспрепятствовать высадке японских войск путем посылки миноносцев или отправки кавалерийских разъездов потерпели неудачу: огонь с вражеских канонерских лодок надежно прикрывал район высадки. Уже 30 апреля на Ляодуне находились 40 тысяч японских военнослужащих при 210 орудиях; в тот же день неприятель перерезал линию ЮМЖД, соединявшую Порт-Артур с Мукденом, и установил блокаду крепости с суши. А 13 мая в районе возвышенности Наньшань, расположенной в самом узком месте перешейка шириною 3.2 км, где Ляодунский полуостров переходит в Квантунский "выступ", на котором разместились русские порты Артур и Дальний, началось японское наступление. К тому времени Наньшанские высоты и подступы к ним были великолепно укреплены и пристреляны русскими войсками, повсеместно были установлены проволочные заграждения шириной от 6 до 10 метров, задерживаясь при преодолении которых японская пехота попадала под прицельный пулеметный и артиллерийский огонь. Кроме того, местность находилась под прицелом 10-дюймовых береговых батарей.

Единственным слабым местом русской обороны оставался западный берег возле бухты Цзиньчжоу, не попадавший в зону прямой видимости береговой артиллерии (в свое время адмирал Макаров планировал переместить в этот район несколько тяжелых орудий, но не успел [229]). Японское командование в полной мере воспользовалось данным просчетом: на рассвете 14 мая, взорвав из

подземного подкопа деревянные ворота городка Цзиньчжоу²⁷¹ и заставив находившийся в нем русский гарнизон спешно отойти, неприятель смог незамедлительно установить перед рубежом русской обороны 198 полевых орудий – против 114 русских пушек. Как только туман сошел со 100-метровых сопок Наньшаня, началась убийственная артиллерийская дуэль, к которой вскоре присоединились вошедшие в бухту Цзиньчжоу японские корабли. Силы были неравны, и вскоре русские орудия стали отвечать все реже и реже – прежде всего с западных склонов, по которым безнаказанно работала крупнокалиберная корабельная артиллерия противника. Около девяти утра в бой устремилась вражеская пехота: первые несколько атак были отбиты, японцам пришлось задействовать резервы и, невзирая на огромные потери, составившие более 5 тысяч человек убитыми, продолжать наступление. К восьми часам вечера героически сопротивлявшиеся русские части, потеряв около 700 человек, были вынуждены оставить высоты и отступить по направлению к Порт-Артуру. За ночь был эвакуирован порт Дальний, утром следующего дня без боя отошедший врагу. Захват коммерческого порта стал крупным стратегическим успехом японских сил: отныне они обретали на Квантунском полуострове полноценную базу снабжения как войск, осаждающих Порт-Артур, так и своих основных сухопутных сил в Маньчжурии.

Победа при Наньшине, в первом кровопролитном сражении той войны – даже безотносительно дальнейшего закрепления блокады Порт-Артура, – имела для противника огромное значение. Если неприятельский успех на Ялу мог быть объяснен тактической удачей – прорывом через рассредоточенные русские части, то в этом бою японские войска сумели преодолеть полноценную линию обороны. Они не только продемонстрировали великолепную управляемость на фоне пассивности русского командования (командующий русской обороной генерал А.Н.Фок, имея в резерве 4 полка, не решился ввести их в бой, а русские миноносцы вошли в бухту Цзиньчжоу уже после того, как японские канонерки завершили свою работу), но и готовность наступать, не считаясь с потерями. Надо сказать, что тщательно готовившееся к войне японское военачальство высоко оценивало морально-волевые качества русского солдата и его беззаветную готовность в критическую минуту сражаться до последнего вздоха, в полной мере продемонстрированную в европейских войнах последних двухсот лет; под Наньшанем

²⁷¹Цзиньчжоу естественным образом прикрывал подступы к Наньшанским высотам

японские войска сумели явить аналогичную решимость, волю к победе и презрение к гибели. Последнее стало для Японии несравненно более важным достижением, чем захват мало кому известных Наньшанских высот. Произошедшее оценят и в мире, и в русских войсках, где преобладавшее ранее презрительное именование противника "макаками" или "япошками" постепенно сменится на нейтральных "японцев".

Борьба за фортуна

Вместе с тем, несмотря на тяжелые неудачи и поражения, к началу летней кампании 1904 года исход борьбы отнюдь не был предрешен ни в стратегической перспективе (Япония никогда не скрывала, что вести войну с Россией в случае подтягивания существенной части русских резервов из европейской части страны она не в состоянии), ни на оперативно-тактическом уровне. И на море, и на суше у русских оставалось достаточно возможностей для овладения инициативой и принуждения неприятеля к невыгодной для него логике борьбы. В мае-июне 1904 года удача несколько раз посетила русский стан, словно испытывая его защитников на готовность воспрянуть и поломать навязываемую противником схему "плановых поражений".

Так, командир минного транспорта "Амур" капитан 2 ранга Ф.Н.Иванов, в дни вынужденного бездействия подолгу наблюдая с господствующей над Порт-Артуром и его прибрежными водами Золотой горы действия японского флота, обратил внимание на то, что курсы вражеских кораблей, регулярно сменявших друг друга в операции по блокированию Порт-Артура, всегда одинаковы, и сумел зафиксировать их на карте – в 11 милях от берега. Командующий эскадрой контр-адмирал Витгефт, руководствуясь "международным правом", дал согласие на постановку минной банки не далее чем в 8 милях. Однако Иванов, выйдя в море для осуществления минирования, в нарушение приказа установил мины именно там, где им требовалось находиться, чем немедленно навлек на себя гнев командующего. Впрочем, серьезно наказывать капитана, рискнувшего, прикрываясь узкой полосой тумана, проникнуть в акваторию японского флота, за нарушение "международных норм" в зоне военных действий, командующий не решился. И не напрасно. На следующий день, 2 мая, сигнальщики с Золотой Горы передали на эскадру воодушевляющую новость: "Японский броненосец

"Иошима"²⁷² взорвался". Как вспоминает участник обороны Порт-Артура капитан 1 ранга А.А.Воробьев, "воодушевление охватило всех, а также стремление выйти в море, чтобы атаковать взорванный неприятельский броненосец. Все восхищались действием кап. 2 р. Иванова, которое воспринималось возмездием за "Петропавловск" [230]. Вскоре поступило новое сообщение: подорвался и затонул флагманский броненосец "Хатсузе"²⁷³ ("Хацусе"). Несмотря на то, что японские крейсера не подпустили к "Иошима" русские миноносцы, и тяжело поврежденный вражеский корабль взял курс на Сасебо, до своей базы он не дошел, затонув в Желтом море вечером того же дня в "пяти милях на ост-норд-ост от скалы Энкаунтер" [231]. В тот же вечер, наскочив в тумане на камни возле острова Эллиот, получил тяжелейшие повреждения и надолго вышел из строя авизо²⁷⁴ "Тацута". А спустя двое суток, подорвавшись на русской мине у Ляотешаня, погиб миноносец "Акацуки". Поистине черные дни для эскадры Того!

Источником позитивных новостей оставался и Владивостокский отряд крейсеров под командованием контр-адмирала К.П.Иессена. В районе Цусимы 2 июня 1904 года крейсер "Громобой" потопил японские транспорты "Идзума-Мару" и "Хитачи-Мару", перевозящие свыше 1.5 тысяч солдат, 320 лошадей и 18 одиннадцатидюймовых гаубиц, предназначавшихся для осады Порт-Артура, а крейсер "Рюрик" уничтожил транспорт "Садо-Мару" с 1,350 вражескими военными на борту. А 10 июля, без потерь пройдя "внутриазиатским" Сангарским проливом в Тихий океан, владивостокские крейсера объявились в Токийском заливе – где, хорошо различимые с японских берегов, потопили шедшие с военными грузами английский пароход "Night Commendor" и германский "Tea", а английский пароход "Calhas" с высадившейся на его борт русской призовой командой был отведен во Владивосток. Днем раньше аналогичным образом был направлен во Владивосток английский пароход "Arabia", следовавший в Иокогаму. Успех русских рейдеров на японских морских коммуникациях вызвал настоящий переполох, и в течение последующих летних месяцев

²⁷²В военной историографии часто встречается другой вариант транскрипции названия этого корабля – "Ясима"

²⁷³Младший флагман контр-адмирала Т.Насибы

²⁷⁴Тип быстроходных "посыльных" кораблей, близких по боевым возможностям к миноносцам

Япония испытывала серьезные проблемы с фрахтом транспортных судов для своих военных перевозок²⁷⁵.

Неудачей закончилась и попытка японцев перенести военные действия на российскую территорию, высадив десант на юго-западном побережье Камчатки. Небольшой пехотный отряд из гарнизона Петропавловска-Камчатского под командованием поручика М.Сотникова быстро обнаружил и в коротком бою 16 июля разгромил японский десант, захватив в плен его командира.

Наконец, еще 23 мая был завершен продолжавшийся почти четыре месяца ремонт сильнейшего корабля порт-артурской эскадры – броненосца "Ретвизан". Выполняя жесткое требование наместника Алексеева "прорываться во Владивосток", контр-адмирал Витгефт, имея практически все силы эскадры в боеготовом состоянии, 10 июня предпримет попытку прорыва. Ближе к вечеру, рассчитывая разминуться с неприятелем под покровом ночи, эскадра в полном составе вышла в поход. Однако, сблизившись с кораблями Х.Того, Витгефт неожиданно для всех отдал приказ возвращаться. Несостоявшийся прорыв 10 июня стал одним из самых нелогичных и обидных упущений с нашей стороны. "Мы были поражены появлением "Ретвизана", "Цесаревича" и "Победы", приведенных в исправность и дававших русским преимущество над блокирующим флотом... – утверждает в официальной японской хронике. – *Несколько часов участь войны колебалась* <курсив автора> – до тех пор, пока русский флот вследствие какой-то неизвестной причины не повернул обратно в Порт-Артур, не предприняв решительных действий" [234].

²⁷⁵Для перехвата направлявшихся в Японию из Европы военных грузов, по обычаям военного времени объявленных Россией контрабандными, в Аравийское море и к южной оконечности Африки летом 1904 года была направлена группа вспомогательных крейсеров – переоборудованных коммерческих пароходов Добровольческого флота. Первыми на патрулирование 19 июня вышли из Севастополя пароходы "Петербург" и "Смоленск": имея в трюмах орудия и снаряды, они под торговыми флагами прошли Босфор и Суэцкий канал, после чего, установив в Красном море пушки и подняв Андреевский флаг, приступили к несению службы. Чуть позже, 12 июля к патрулированию в Атлантическом океане приступили крейсера "Дон" и "Урал", а с 12 августа к ним присоединился крейсер "Терек". В общей сложности крейсерами было досмотрено 42 парохода, из которых четыре, перевозившие военные грузы, были с призовыми командами отправлены в Либаву.

К сожалению, дерзкие и результативные операции русских рейдеров в отдаленных акваториях Мирового океана не получили развития по причинам i) крайне болезненной – вплоть до угрозы разрыва отношений и объявления войны – реакции Великобритании на захват транспорта "Малакка" и ii) опасений командующего Второй тихоокеанской эскадрой З.Рожественского, что их деятельность осложнит готовящийся переход его эскадры на Дальний Восток [232, 233].

Нерешительность, если не трусость Витгефта, располагавшего на тот момент не только паритетом в силах, но и важным психологическим преимуществом, а также имевшего возможность завершить прорыв под покровом близящейся ночи, однако в решающий момент отказавшегося от боя, стала, увы, еще одним звеном в тяжелой цепи упущений и потерь русской стороны. Складывалось впечатление, что воля страны и ее народа к защите своих интересов и территориальных приобретений, обретенных в результате многовековых усилий, жертв и отложенных “на потом” возможностей по обустройству и улучшению жизни, пребывает на исходе. Грозный Левиафан элементарно не мог защитить себя! Прежде чем это осознали в японских штабах, возникшей ситуацией не преминули воспользоваться внутренние противники режима. Не прошло и двух недель с момента начала войны, как на инспирированной революционным подпольем 10 февраля 1904 года забастовке рабочих Харьковского паровозостроительного завода, только что получившего миллионный военный заказ, вместе с требованиями повышения зарплаты появились и призывы к прекращению войны. Везде, где социал-демократам удавалось дополнить экономические требования бастующих рабочих "политикой", лозунги "прекращения войны" озвучивались в первоочередном порядке. Кульминацией национального предательства ради пресловутой "классовой солидарности" стало состоявшееся в августе 1904 года на II конгрессе Интернационала "историческое рукопожатие" Г.Плеханова и лидера японских социалистов С.Катаямы.

**Сражение при
Вафангоу:
упущенная
победа**

Еще одна неудача, которую вполне можно было избежать, постигла русские войска в сражении при Вафангоу²⁷⁶, где была предпринята более чем неудачная попытка разгромить японские силы на Ляодуне и деблокировать с суши Порт-Артур. После почти молниеносного захвата японцами Квантунского полуострова наместник Алексеев²⁷⁷, используя все рычаги своего политического влияния, стал добиваться от командующего русской Маньчжурской армией

²⁷⁶В ряде источников название этого небольшого городка в северо-западной части Ляодунского полуострова дается в китайском (Телицу) или японском (Токурижи) вариантах

²⁷⁷В начале лета ставка наместника была переведена из Порт-Артура в более спокойный тыловой Мукден

генерала А.Н.Куропаткина "решительного наступления". На конец мая сухопутные силы России в Маньчжурии насчитывали 100 тыс. человек при 250 орудиях (помимо них, 40 тыс. человек составляла численность порт-артурского гарнизона, решительно скованного в своих действиях). Эти силы концентрировались в достаточно обширной зоне ЮМЖД вблизи Хайчена, Ляояна и Мукдена и, до прибытия "застрявшего" к западу от Байкала 4-го армейского корпуса, призванного довести их совокупную численность до 250 тысяч штыков, не могли без ущерба для безопасности своего же тыла сосредоточенно выступить. В то же время только на Ляодунском полуострове неприятель имел 85 тысяч военнослужащих и примерно столько же - в Корее и на захваченном правом берегу реки Ялу.

Куропаткин пытался сопротивляться опрометчивому решению о наступлении, пытаясь задержать его буквально на 2-3 недели – до подхода хотя бы минимальных подкреплений. Однако ни в ставке наместника, ни в столице не желали ждать. Вопреки здравому смыслу, там царила убежденность, что, как только в дело вступит регулярная русская армия, так все успехи "макак", достигнутые якобы за счет тактического везения, быстро сойдут на нет. С тяжелым сердцем, подчиняясь воле свыше, главнокомандующий был вынужден приказать генерал-лейтенанту Штакельбергу с корпусом из 35 тыс. человек "переместиться на юг вдоль железной дороги для поражения генерала Оку и очистить путь в Порт-Артур для прибытия подкрепления" [235]. Выполняя приказ, Штакельберг выдвинулся в район Вафангоу, где 17 мая принял первый бой с превосходящими силами японцев. Казалось, ожидания наместника стали сбываться: регулярные русские войска сражались храбро и умело, и японская атака захлебнулась. Затем наступило затишье, что дало русскому командованию ложное представление якобы о намерениях неприятеля отвести основные силы на юг для наступления на Порт-Артур. К несчастью, генерал Куропаткин ошибался в оценке сил противника почти в два раза! Японские силы разделятся на две полноценных армии, одна из которых под командованием генерала М.Ноги двинется на юг, к Порт-Артуру, а вторая, под командованием Я.Оки, немедленно повернет на север, держа направление удара на Ляоянский укрепленный район – центр сосредоточения русской Маньчжурской армии. И 31 мая – буквально накануне запланированного Штакельбергом похода к Порт-Артуру, – он будет внезапно атакован превосходящими японскими силами.

Соотношение в сражении при Вафангоу составляло 40 тыс. японских солдат и офицеров со 100 орудиями против 33 тыс. русских с 96 единиц артиллерии. Как видим, силы были почти паритетны. Тем не менее, неожиданность японского наступления, неудачный выбор Штакельбергом исходной позиции (японцы начали наступление с не занятых русскими господствующих высот) и ряд тактических ошибок позволили войскам Оку – невзирая на ряд успешных русских контратак – создать угрозу окружения и вынудить русский корпус после ожесточенных боев отойти 1 июня к Ляояну. Вновь, как и во всех предыдущих полевых боестолкновениях, русские потери оказались выше японских: 3.5 тысячи человек убитыми против 1.2 тысячи [236] – хотя в оборонительном бою все должно было быть наоборот.

Получив сообщение о победе у Вафангоу, в Токио ликовали, т.к. “план японского наступления на Ляоян прекрасно сработал, и гораздо быстрее, поскольку русские сыграли им на руку своей плохо подготовленной попыткой освобождения Порт-Артура” [237].

Противник развивает успех. Бои у Ташичао, “сражение на перевалах” и взятие Инкоу

Теперь в наступлении на Ляоян, помимо получившей боевое крещение 50-тысячной армии генерала Оку, с востока, со стороны Ялу присоединилась получившая подкрепления и насчитывающая свыше 100 тыс. штыков армия генерала Куроки. И вновь ошибка русского командования: генерал Куропаткин, располагая на южном направлении превосходящими силами, задействованными против армии Оку, принимает решение о "плановом отступлении", в то время как на восточном участке фронта, не подозревая о превосходстве сил Куроки, намеревается вести наступление [238]. Казалось бы – обычная штабная ошибка, связанная с несовершенством сбора разведанных, ошибка, которая с равной вероятностью может постигнуть любую армию. Однако и здесь проявил себя субъективный фактор: наместник, по-прежнему рассчитывавший на деблокирование Порт-Артура, после неудачи под Вафангоу теперь настаивал на усилении действий против армии Куроки, которая “являлась угрозой сообщениям русской армии” [239]. В результате армию Куропаткина, уже получившую из России значительные подкрепления, вновь постигает череда поражений: на

юге Оку побеждает в боях у Ташичао²⁷⁸ и Симучена (10 июля и 17 июля), на востоке армия Куроки в ожесточенном горном сражении против оборонявших Янзелинский и Юшулинский перевалы русских частей также одерживает верх (18 июля)²⁷⁹. В руки противника без боя перейдет порт Инкоу – последний в Южной Маньчжурии пункт, контролировавшийся русскими войсками, откуда было возможно военно-транспортное сообщение с осажденным Порт-Артуром²⁸⁰. А к середине августа южная (Оки) и восточная (Куроки) группировки японских сил соединятся на подступах к Ляояну, грозя решительным ударом по потрепанной в сражениях весенне-летней кампании армии генерала Куропаткина²⁸¹.

Неудача в продвижении русской Маньчжурской армии для помощи Порт-Артуру, обернувшаяся стратегической угрозой находившемуся, казалось бы, в глубоком тылу Ляояну, вновь обратят внимание наместника на бессмысленное пребывание все еще весьма сильной Первой тихоокеанской эскадры во "внутреннем озере" порт-артурской крепости. Уже 17 июля передовые части армии генерала М.Ноги вплотную подошли к оборонительным редутам Порт-Артура и начали его осаду. Заняв позиции у подошвы окружающих Порт-Артур сопок, 25 июля японская осадная артиллерия предприняла перекидной обстрел крепости и внутреннего рейда. Вновь, как в первый день войны, вражеские снаряды угодили во многострадальные "Цесаревич" и "Ретвизан" – к счастью, на этот раз причинив лишь легкие повреждения и контузив

²⁷⁸В то же время отметим, что бой у Ташичао, состоявшийся 10 июля, стал первым крупным боестолкновением, в котором неприятельские потери оказались выше: 1,050 человек убитых у русских против 1,189 у японцев [240]

²⁷⁹Успех Куроки в "горном сражении" представлялся современникам поистине невероятным: защищавшие перевалы русские силы, помимо "природного удобства" занимаемых позиций, также располагали численным и огневым преимуществом: 65 тыс. человек при 250 орудиях против 46 тыс. человек и 108 орудий у неприятеля. Однако превосходство японцев в тактике (эффективная маскировка, скрытные перемещения и т.д.) в условиях удручающей пассивности русской обороны вновь привели к печальным результатам: утрате стратегически выгодной позиции и потере 2,5 тыс. человек против 1 тыс. потерь у наступавшей стороны [241].

²⁸⁰После взятия Инкоу, случившегося 12 июля, связь с Порт-Артуром поддерживалась в основном миноносцами, которым удавалось под покровом ночи или тумана вырваться за линию морской блокады и приходить в ближайший китайский порт Чифу (Яньтай). В Чифу находился русский консул, через этот порт шли почта, гуманитарные грузы и т.д. Разумеется, доставка военного имущества в осажденный Порт-Артур отсюда полностью исключалась.

²⁸¹Со времени сражения на Ялу русская Маньчжурская армия потеряла убитыми и ранеными более 30 тыс. человек. К августу эта потеря едва была восполнена подошедшими подкреплениями, так что реального усиления сил генерала Куропаткина не произошло [242].

командующего контр-адмирала В.Витгефта. В сложившейся обстановке адмирал больше не мог медлить с выполнением категорического приказа Алексеева осуществить прорыв. Наместник рассуждал предельно реалистично: даже с учетом неизбежных при прорыве потерь, сумевшие дойти до Владивостока силы эскадры гарантированно смогут ослабить морские коммуникации противника, вызвав затруднения в снабжении находящихся на материке его огромных армий. В преддверии близящихся осени и зимы заставить неприятеля голодать и экономить патроны неприятелем означало вернуть себе стратегическое преимущество.

Прорыв Порт-Артурской эскадры и бой в Желтом море: упущенная победа

Приказ о подготовке к прорыву был встречен на эскадре если не с ликованием, то с яростным энтузиазмом. В поход, намеченный на 28 июля 1904 года, выступали ее лучшие силы: 6 броненосцев, 4 крейсера и 8 миноносцев в сопровождении госпитального судна. Ранний утренний выход эскадры позволил неприятельским разведчикам оповестить об этом Того, и уже к 10 часам утра русские сигнальщики сообщили о появлении неприятеля – корабли Того вышли в бой из бухты порта Дальний, к тому времени превращенного в неприятельскую военноморскую базу. К удивлению многих, Того направлялся на перехват русской эскадры с неполными силами: 4 броненосца вместо шести, 2 броненосных крейсера, 10 легких крейсеров, по своим боевым возможностям схожих с миноносцами, и 18 миноносцев. Как видим, по крупным кораблям, единственно способным наносить противнику поражения на больших дистанциях, недоступных для артиллерии низших калибров и торпед, между сторонами в момент прорыва был примерный паритет, однако у русской эскадры имелось преимущество в артиллерии крупных калибров.

Первая артиллерийская дуэль, которую две противостоящие эскадры провели на встречных курсах, продолжалась чуть более часа (с 13:15 до 14:20) и не причинила сторонам практически никаких повреждений. Того не рискнул приблизиться к русским броненосцам, адекватно оценивая возможный для себя ущерб от их огня. А более уязвимые русские крейсера сравнительно легко смогли удалиться из зоны обстрела.

Спустя два часа японские корабли, обладая большим ходом, догнали эскадру (как известно, скорость лучших вымпелов русской

колонны держалась по скорости тихоходного 14-узлового броненосца "Севастополь", а также "Цесаревича", который из-за поломки машины был вынужден на время сбавить ход до 8 узлов). В 16:30, когда расстояние между противниками уменьшилось до 7.8 км [243], бой возобновился, однако вновь без какого-либо успеха для атакующей стороны. Несмотря на то что вражеский огонь был сосредоточен на лидерах прорыва "Цесаревиче" и "Ретвизане", все повреждения, которые получали русские корабли, не шли ни в какое сравнение, скажем, с повреждениями "Варяга" или результатами торпедных атак японского флота в первые минуты войны. Японские снаряды, считавшиеся фугасными и заметно уступавшими русским в бронейности, повреждали надпалубные постройки, крушили снасти (на "Пересвете" была повалена главная мачта), выводили из строя артиллерийские механизмы, убивали и калечили людей – однако они практически не могли прорваться за 40-сантиметровую броню внутри корабельных чрев, поджечь артиллерийские погреба, разрушить машины или причинить подводные пробоины²⁸². Русская эскадра уверенно и твердо держалась в кильватере, и даже в самых осторожных головах начинала укрепляться радостная мысль о том, что прорыв удался.

Контр-адмирал В.Витгефт, покидавший Порт-Артур чуть ли не с похоронным настроением, находясь на борту флагманского броненосца "Цесаревич", теперь, похоже, также предвкушал неожиданный успех. Вверенная ему порт-артурская эскадра, которая по мощи своей довоенной комплектации номинально должна была соответствовать *всему* японскому флоту, теперь впервые, вступив в бой в своем почти полном составе, успешно подтверждала паритет с противником.

Однако дальнейшее развитие ситуации определено не поддается рациональному объяснению. События, произошедшие в Желтом море вечером 28 июля, нельзя приписать и стохастическим курьезам, поскольку вероятность их совместного наступления

²⁸²Парадокс, но в Цусимском сражении в мае 1905 года те же самые фугасные японские снаряды – то ли, по неведомой закономерности, поражавшие наиболее уязвимые места и вспарывавшие броневые листы, то ли обрушиваемые на русские корабли в значительно большем количестве, приводили к куда более убийственным последствиям – даже несмотря на то, что дистанции стрельбы под Цусимой считались предельными для артиллерии своего времени. Во время же боя в Желтом море русским кораблям помогало и то, что их команды были лучше мобилизованы и подготовлены предшествующим боевым опытом, а русские бронейные снаряды на средних дистанциях причиняли противнику ощутимый ущерб и ослабляли интенсивность его огня.

меньше шансов случиться в этом мире любого реального явления. Судите сами. Первое: около 17:45 японский 12-дюймовый снаряд попадает в открытый мостик флагманского броненосца "Цесаревича" и убивает контр-адмирала В.Витгефта практически со всем штабом. И хотя поражение верхнего мостика – далеко не самой миниатюрной из надпалубных построек – в любом бою вполне вероятно, чудовищная нелепость произошедшего состоит в другом: почему командующий в разгар боя (а броненосец к тому моменту уже получил 17 прямых попаданий) покинул бронированную рубку? Это – вторая невероятность того трагического дня. Третья же, и наиболее поразительная, состояла в том, что практически в тот же самый миг, когда души русского командующего и его офицеров расставались с землей, точно такой 12-дюймовый русский снаряд достиг палубы броненосца "Микаса", флагманского корабля противника, и... не разорвавшись, замер у просвета боевой рубки буквально в полшаге от адмирала Хейхатиро Того. По какому-то чуду 320-килограммовый исполин, проскользив по пустой верхней палубе, остановил свой ход у препятствия, соприкоснулся он с которым – и Объединенный флот Японии лишился бы своего командующего. Поражение русским бронебойным снарядом боевой рубки линкора на средней дистанции боя должно было быть более тяжелым, чем при гипотетическом попадании японского фугаса в рубку "Цесаревича", в которой, согласно всем инструкциям и здравому смыслу, должен был находиться во время боя В.Витгефт²⁸³.

Наконец, четвертой по счету трагической случайностью того дня стало уничтожение очередным японским залпом рулевого расчета на многострадальном "Цесаревиче". "Рулевое колесо резко повернулось направо под тяжестью упавшего на него мертвого тела, а рядом не оказалось никого живого или находящегося в сознании, кто бы мог отобрать рулевое колесо... – писал об этом решающем моменте боя американский историк К.Мартин. – "Цесаревич" совершил полный круг, пройдя между "Севастополем" и "Пересветом". "Ретвизан", шедший в кильватере флагманского корабля, начал поворачивать

²⁸³Сразу оговоримся, что споры о "бронебойности" штатных русских снарядов против повышенной "фугасности" японских, начавшиеся еще в 1904 году, не прекратились и по сей день. Вполне возможно, что разрушения бронированной боевой рубки на японском линкоре могли, в случае взрыва, оказаться меньшими из-за потери русским снарядом части кинетической энергии. Тем не менее шок от поражения боевой рубки на "Микасе" заставил бы японский флот ослабить или вовсе прекратить преследование, что в условиях близящейся ночи означало бы *полный и без потерь кораблей* успех прорыва к Владивостоку.

вслед за ним... "Победа" продолжала идти исходным курсом, а "Пересвет" резко развернулся на правый борт, чтобы избежать столкновения с флагманом... "Севастополь" повернул, чтобы не столкнуться с "Цесаревичем", а "Полтава" последовала за "Победой". Вскоре русские шли уже не линией, а в полном беспорядке" [244].

Японский флот в полной мере воспользовался сложившейся неразберихой. Несмотря на то что с борта "Цесаревича" удалось подать сигнал "Адмирал передает командование", сигнальщикам броненосца "Пересвет", на котором поднял свой вымпел новый командующий адмирал Ухтомский, из-за обрушения мачт не удалось передать на остальные суда эскадры сигнал "Следуй за мной" – к продолжению прорыва. Находившийся на крейсере 1-го ранга "Аскольд" контр-адмирал Н.К.Рейценштейн, командовавший крейсерским отрядом, в возникшей неразберихе также поднял аналогичный сигнал, однако "броненосцы за ним не пошли. Тогда, развив самый полный ход, "Аскольд" пошел на зюйд, рассчитывая увлечь за собой часть японских кораблей и этим расчистить путь для <продолжения прорыва> русской эскадры. За ним последовал крейсер "Новик", а остальные крейсера этого отряда, "Паллада" и "Диана", не будучи в состоянии развивать такую скорость, как "Аскольд", отстали и присоединились к броненосцам, отходившим на норд-вест <т.е. назад к Порт-Артуру. – *Авт.*>" [245]. Таким образом, обратно в Порт-Артур, вслед за не решившимся в одиночку уходить в прорыв "Пересветом", вернулись все 5 броненосцев, кроме "Цесаревича". Броненосец "Цесаревич", крейсера "Аскольд", "Диана" и 5 миноносцев под покровом темноты повернули к югу и на следующий день, придя – уже каждый сам по себе – в различные китайские порты, разоружились. Один лишь неустрашимый "Новик" под командованием капитана 2 ранга М.Ф.Шульца направился вдоль тихоокеанского побережья Японии к Владивостоку²⁸⁴. Находясь в Тихом океане, легендарный крейсер умудрился остановить и подвергнуть проверке английский коммерческий пароход "Seltic", однако после поединка с японским крейсером в Сангарском проливе, получив повреждения, ушел к

²⁸⁴Утром 29 июля "Новик" прибыл на рейд германской военно-морской базы Циндао. Здесь надо отдать должное германским властям, отказавшимся от обязательного в подобных ситуациях интернирования и не побоявшимся осуществить загрузку боевого корабля воюющей стороны углем. Без взятых в Циндао на борт 250 тонн "кайзеровского" кардиффа "Новик" не сумел бы завершить свой последний славный поход.

Сахалину, где после еще одного боя в заливе Анива, поздним вечером 7 августа был организованно затоплен своей командой²⁸⁵.

Как видим, неудача прорыва Первой тихоокеанской эскадры к Владивостоку, имевшего все предпосылки для успешного завершения, стала результатом невероятно неблагоприятного стечения обстоятельств. Говоря о прорыве 28 июля, мы не можем, как применительно ко многим другим событиям русско-японской войны, обвинить в чем-либо экипажи, командование или высшее политическое руководство. Как раз наоборот: все на этот раз было сделано правильно и максимально полно, эскадра вышла в поход подготовленной и в наиболее боеспособном составе. Мелкие технические поломки, как то: временный выход из строя машин на "Цесаревиче" или неисправность нескольких орудийных башен, не могли повлиять на исход сражения. Это понимали и русские моряки, и Того, который практически одновременно с разворотом "Цесаревича" уже намеревался отдать сигнал своей эскадре о выходе из боя. Справедливо ожидаемого успеха не произошло, случилось обыкновенное чудо – то самое, что иногда улыбается тем, кто более других настроен на успех и по-настоящему жаждет победы.

За редкими исключениями, в течение всей русско-японской войны по-настоящему жаждали победы именно японцы.

Последний поход владивостокской эскадры. Гибель "Рюрика".

До Владивостока не дошел ни один из кораблей порт-артурской эскадры. Более того, неудавшийся прорыв поставил крест на, казалось бы, несравненно более удачливом отряде владивостокских крейсеров. Получив 28 июля телеграмму наместника с предписанием находиться в Корейском проливе для встречи порт-артурских кораблей, на следующий день адмирал Иессен вышел в море, из-за отсутствия телеграфного сообщения с Порт-Артуром так и не узнав о том, что прорыв не состоялся²⁸⁶

²⁸⁵Видимо, дерзость "Новика" столь сильно досаждала Императорскому флоту, что с завидным упорством подходившие к Корсакову японские крейсера и специально засылаемые диверсионные группы (!), невзирая на потери от русского огня с берега, трижды – 8 августа, 24 августа и 1 сентября – пытались взорвать его полузатопленный корпус.

²⁸⁶О готовящемся прорыве наместник был проинформирован телеграммой, ушедшей из русского консульства в Чифу, куда накануне 28 июля секретное сообщение было доставлено из Порт-Артура на миноносце "Решительный". Несмотря на то что согласно международным военным законам "Решительный" был немедленно интернирован китайскими властями, спустя два дня, 30 июля 1904 г., пришедшие в

(когда о неудаче прорыва стало наконец известно, вслед крейсерам была послана канонерская лодка, однако не сумела их догнать). Спустя два дня, 1 августа, все три владивостокских крейсера "Россия", "Рюрик" и "Громобой" в районе острова Ульсан вступили в бой в четверьмя (а вскоре с пятью) японскими броненосными крейсерами. Несмотря на благоприятное для русской стороны начало боя, ознаменовавшегося удачными попаданиями в два неприятельских корабля, вскоре сильнейшие повреждения и потерю хода получил "Рюрик". После неоднократных попыток "России" и "Громобоя" отвести вражеский огонь на себя, в условиях абсолютного неравенства сил, крейсера были вынуждены покинуть обреченный "Рюрик". Когда на "Рюрике" замолчало последнее орудие, то принявший командование вместо убитого капитана 1 ранга Е.Трусова младший артиллерийский офицер лейтенант К.Иванов сумел выстрелить по противнику последней торпедой из последнего уцелевшего торпедного аппарата, после чего отдал приказ открыть кингстоны. Спустя пять часов после начала боя "Рюрик" скрылся под водой. Последний бой, данный крейсером 1-го ранга "Рюрик", по праву заслуживает не меньшего внимания и славы, чем получивший несравненно большую известность подвиг "Варяга"²⁸⁷. "Раненых привязывали к кускам дерева и спасательным

Чифу два японских миноносца сумели его захватить. При неудавшейся попытке подорвать "Решительный" погиб минер Валович и был ранен его командир лейтенант М.Рощаковский.

²⁸⁷Сорокаминутный бой "Варяга", ставший первым сражением русско-японской войны, и для русской, и для японской сторон носил во многом демонстрационный характер. Экипаж "Варяга" не использовал значительную часть имевшихся на корабле боевых возможностей, а осторожный адмирал Уриу отказался от преследования крейсера вблизи внутреннего рейда Чемульпо. В том сражении русские моряки сполна продемонстрировали миру героизм, а японцы – военно-морскую мощь. Пятичасовой последний бой во многом идентичного бронепалубному "Варягу" броненосного "Рюрика" (по спискам числившегося крейсером 1 ранга [246]) возле о.Ульсан показал, что стойкость экипажа при *полном использовании ресурсов корабля* обходится противнику значительно дороже. Адмирал Уриу, подоспевший к заключительной стадии того боя на борту уже знакомого нам по сражению в Чемульпо крейсера "Нанива", не мог не отметить, что спустя полгода после начала войны русские моряки начали драться по-настоящему.

Дело в том – и в последующих после августа 1904 года сражениях это станет более заметным – на смену породившему "шапкозакидательские" ожидания акматическому идеалу экспансии во имя "славы и чести" естественным образом начнет приходить настрой на упорный и тяжелый ратный труд, в исторической ретроспективе не раз позволявший русской армии буквально-таки воскресать из пепла поражений. К сожалению, русское общество, в силу уже исследованных нами причин, окажется неготовым к подобному переключению. Отсюда на фоне огромного общественного резонанса, который получил самоубийственный подвиг "гордого "Варяга", последний бой ничуть не менее мужественного "Рюрика" до сих пор остается, в основном,

поясам, а здоровым было приказано плыть, спасая свою жизнь..." Ошеломленные мужеством и стойкостью русских моряков, японцы немедленно прекратили огонь и энергично приступили к спасательным работам. Надо отдать им должное – еще буквально несколько минут назад проливавшие свою кровь под русским огнем, японские моряки провели спасательную операцию “так быстро и активно, что из почти 800 человек было спасено 625, среди них было 230 раненых” [247]. Два уцелевших крейсера, несмотря на тяжелейшие повреждения (на "России" было 11 пробоин в районе ватерлинии, на "Громобое" – шесть) лишь благодаря штилю²⁸⁸ смогли вернуться во Владивосток. Затем, после двухмесячного ремонта, в свой первый же боевой выход "Громобой" напорется на подводную скалу в заливе Посьета и снова будет вынужден ремонтироваться до февраля 1905 года. Таким образом, вновь в результате крайне неблагоприятного стечения обстоятельств эскадра русских крейсеров из Владивостока, которая ровно полгода “хозяйничала в море вокруг Японии и наводила ужас на японских моряков” [248], с августа 1904 года прекратит существование в качестве активной боевой единицы²⁸⁹. С того момента уже более никто не сможет угрожать морским коммуникациям противника.

Ляоянское Бородино

А тем временем на сухопутном театре военных действий основные события разворачивались у Ляояна. Соединенные под командованием маршала И.Ойямы армии Куроки, Оку и Нодзу, одержав верх в летних сражениях с отрядами Маньчжурской армии Куропаткина, к началу августа завершили концентрацию вблизи арьергардных рубежей Ляоянского

предметом профессионального интереса узкого круга специалистов и любителей военно-морской истории.

²⁸⁸Штиль в Корейском проливе 1 августа 1904 года, позволивший двум владивостокским крейсерам благополучно уйти, ранее сыграл роковую роль в исходе сражения. Приспособленные для океанического плавания, высокобортные русские крейсера, в отличие от противостоявших им низкобортных японских, при спокойном море становились для противника хорошей мишенью.

²⁸⁹После завершения длительного ремонта, с 24 по 28 апреля 1905 года состоится – с целью испытания новых германских радиостанций и наблюдательных аэростатов – последний совместный поход “Громобоя” и “России”. В ходе этого похода крейсера сумеют потопить четыре японских шхуны. К том времени практически неохраняемая акватория Владивостока будет буквально завалена японскими подводными минами, и 11 мая “Громобой”, получив очередную подводную пробоину, вновь выйдет из строя. В ночь на 18 мая крейсер “Россия” отправится в бухту Владимира для оказания помощи прорвавшемуся к Владивостоку после Цусимского боя крейсеру “Изумруд”. Более владивостокские крейсера в боевых действиях участия не примут [249].

укрепленного района. Из донесений своей разведки японцы знали, что сила Маньчжурской армии, постоянно пополняемой резервами из России, быстро увеличивается (к началу августа у русских под Ляояном было 160 тысяч войск при 692 орудиях, у японцев – 125 тысяч войск при 484 орудиях, – т.е. Куропаткин уже обладал количественным преимуществом [250]), поэтому было решено наступать на Ляоян практически безотлагательно. В начале августа соединенные японские армии активно готовились к наступлению, и на фронте установилось затишье – редкая и удачная возможность нанести по противнику болезненный удар. Однако Куропаткин не воспользовался им – оно “вызвало с его стороны лишь твердое решение принять бой на занимаемых позициях, в случае, если японцы перейдут в наступление... Перспективы сражения под Ляояном рисовались в воображении Куропаткина в мрачных красках; уже в первых числах августа он приступил к разработке соображений относительно возможной эвакуации Ляояна, прекратив накапливание здесь резервов” [251].

Тем не менее в выборе выжидательной стратегии Куропаткин был скорее прав, чем виноват. Во-первых, он не располагал данными о реальной численности японских войск и не хотел повторения печального опыта Вафангоу. Во-вторых, командующий не считал возможным растрачивать силы в локальном наступлении, поскольку вполне гласно и открыто планировал – после известного накопления войск и ресурсов – переход в стратегическое наступление. Несмотря на то что в штаб заместителя Алексеева одна за одной поступали телеграммы от коменданта Порт-Артура генерал-адъютанта А.Стесселя с просьбами предпринять хотя бы что-то, способное ослабить натиск осаждавшей крепость армии генерала Ноги, Куропаткин спокойно отвечал, что “просьбы Стесселя о помощи он приписывает только нервному его состоянию” [252]. А заместитель уже не решался, как это было в начале лета, требовать от Куропаткина того, к чему его армия на тот момент объективно не была готова.

Скорее всего, Куропаткин намеревался дать крупное, возможно, что и генеральное сражение с целью, по его собственному выражению, “разбить японцев, опираясь на Ляоянские позиции” [253]. Он не мог не отмечать для себя, что точно такая же ситуация складывалась 92 года назад у армии Кутузова, отступавшей до Бородина. Все было весьма похоже: так же ни одного выигранного доселе боя, стремительное отступление от Немана до предместий Москвы, то же смятение и упадок духа, восстановить который

можно было только большой кровавой битвой, – которая не обязательно должна завершиться победой, но должна была через обильное кровопускание у врага вернуть веру в свои силы и приглушить нарастающие на стороне народного архетипа страхи бесславного конца. Тем самым в 1812 году – через муки, кровь и смерть Бородинского сражения – удавалось усилить фактор действия, *facultas effectus*, и реализуемую через него волю к сопротивлению и у армии, и в целом у русского общества.

Действительно, приближающаяся битва при Ляояне во многом напоминала события Бородина. Все тот же август месяц, все та же необходимость для обеих армий испытать силы друг друга в генеральной битве и невозможность, в силу стратегической неопределенности и в преддверии приближающейся осени, отвернуться от схватки. Как писал современник тех событий В.А.Апушкин, “без опасения быть обвиненным в преувеличении, в риторичности, можно сказать, что с самого начала войны все в армии ждали решительного генерального сражения под Ляояном, как праздника, как награды за "терпение", за ряд бесплодных жертв и напрасных героических усилий. Если что и поддерживало еще этот угасаемый рядом отступлений дух, так это именно сближение с Ляояном, ожидание боя под ним и вера в победу, после которой мы пойдем вперед. Если чего и страшились войска, так это – чтобы и Ляоян, выросший в сознании армии в её военную столицу, "не отдали без боя” [254].

Начиная с 11 августа – как только закончились продолжительные ливни – японские войска атаковали арьергардные позиции Маньчжурской армии у Ляояна. Сильнейшим преимуществом японской стороны в боях под Ляояном, равно как и во всех других сухопутных сражениях русско-японской войны, была прекрасно поставленная разведка в тылу русской армии. Располагая, благодаря разветвленной агентурной сети среди местного населения, точной информацией о расположении русских частей, японские командиры практически наверняка наносили удары таким образом, чтобы создать угрозу обхвата с флангов и вынудить обороняющиеся русские части – несмотря на наличие более чем достаточных возможностей для продолжения обороны – к отходу. Часто из-за отсутствия правдивой и своевременной информации о противнике русские войска отходили перед его заметно меньшими силами²⁹⁰.

²⁹⁰«Если ближняя разведка давала кое-какие сведения о японских силах, группировавшихся непосредственно перед фронтом, то вследствие отсутствия дальней

Командующий Маньчжурской армией генерал Куропаткин практически всегда санкционировал такие отходы, стремясь обеспечить их максимальную организованность и защищенность. Надо отдать ему должное – ни разу за всю кампанию вверенные ему части не попадали в окружение²⁹¹.

Несмотря на ту относительную легкость, с которой русские войска оставили свои арьергардные позиции 11–16 августа, успех давался японской стороне дорогой ценой, ее потери были существенно выше. К тому же, в противоположность хорошо поставленной тыловой разведке, у неприятеля практически не имелось разведки фронтовой. В результате “японцы не замечали начала отступления русских, и это обстоятельство, главным образом, исключало возможность немедленного развития дальнейшего успеха путем наступления на плечах отходящего противника” [255]. Наконец, в течение почти недели арьергардных боев, русская Маньчжурская армия сумела существенно пополниться: к 17 августа она представляла внушительную силу с численностью в 180 тысяч человек при 644 орудиях [258] – что давало арифметический перевес над противником почти на 40%²⁹².

Тем не менее японское командование, свято веря в свою удачу и следуя хорошо усвоенному за годы предвоенных стажировок в Европе и России суворовскому принципу о том, что “гнать” можно и

разведки русское командование ограничивалось только догадками, которые рисовали в воображении крупные японские силы там, где их в действительности не было” [256].

²⁹¹Последнее тем более поразительно, если учесть, что военные действия под Ляояном и, в последующем, к северу от него велись практически при полном отсутствии у русской армии картографического освещения местности. За годы пребывания в Маньчжурии относительно подробное картографирование было произведено лишь в зоне Порт-Артура, после чего военные геодезисты переключились на работу в районах северной Маньчжурии, между магистралью КВЖД и Амуром [257]. Освещение же районов Ляояна и Мукдена, в которых разворачивались основные события сухопутной войны, пришлось проводить в условиях военного времени.

²⁹²Говоря о сравнительной численности войск сторон в русско-японскую войну, необходимо иметь в виду различия в резервировании, часто нивелировавшие арифметическое превосходство. “Японцы стремились с самого начала ввести в бой все войсковые соединения, бригада обычно имела в резерве один батальон, а полковых резервов, как правило, у японцев не было. Куропаткин же стремился к выделению крупных резервов, которые использовались по частям... <Это приводило к тому – Авт.>, что из дивизии в 15,000 бойцов в стрельбе участвовало не более 1,000 человек. Это явление – пережиток ударной тактики, ушедшей в глубь истории после русско-турецких войн... Японцами усвоена была германская тактика, народившаяся вместе со скорострельным оружием, – сильный боевой фронт и слабые резервы. Вот почему русское командование всегда преувеличивало силы японцев: за сильным боевым фронтом японцев предполагались столь же сильные резервы, чего в действительности у них не было” [259].

численно превосходящего противника, если к тому же он сам не хочет наступать, – на рассвете 17 августа после артиллерийской подготовки из 390 орудий по всему фронту перешло в наступление главными силами. Но и русские войска, сосредоточившись на сей раз на главных укрепленных рубежах, имели твердое намерение стоять до конца. Счастливая удачливость юной японской армии вполне могла разбиться здесь о мужественную решимость не забывших Бородина и Севастополя русских солдат “не сойти с места”. Обе стороны ждали начала этого грандиозного сражения, обе были готовы пролить кровь и самой высокой ценой оплатить право на будущую победу²⁹³.

**Стойкость,
случайность и
легкомыслие**

Первый день Ляоянской битвы, пришедшийся на 17 августа, был отмечен сильнейшим артиллерийским огнем и атаками армий Нодзу и Оки на участках обороны 1 и 3-го Сибирских корпусов. Но сосредоточенное наступление противника было отбито, и тогда “волна японских атак... встретив здесь преграду, стала разливаться все более по фронту обоих корпусов” [261]. Убедившись в невозможности прорвать русский фронт сосредоточенным ударом, главнокомандующий японскими силами маршал Ойяма ставит задачу окружения Маньчжурской армии. Во исполнение его приказа две дивизии из армии Оку наносят удар по правому русскому флангу – но, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением и штыковыми контратаками частей 4-го Сибирского корпуса, оставляют и эту попытку. “С наступлением темноты... всеми чувствовалось, что энергия противника надломлена, уверенность его была поколеблена, а его силы и средства борьбы сильно уже

²⁹³Поразительно, сколь близки в воспоминаниях современников воспоминания о ночи перед сражением. “К вечеру канонада стихла. Настала ночь, – последняя для многих, – тихая, теплая. Ущербленная луна была бледна и неясна, словно на нее был наброшен траурный флер по жертвам грядущего дня. На окрестных горах зажглись бивачные огни. Но самые биваки наши были тихи. Хотя командующий армией накануне великого дня не обратился к армии ни с одним горячим словом, не объехал ни одной части, не видал ни одного солдатского лица, не слышал биения ни одного солдатского сердца, войска спокойно, в ясном сознании важности наступающей минуты ждали рассвета... И едва мутные лучи серого, пасмурного утра 17-го августа прорезали тьму ночи, как два японских эскадрона и полк пехоты из армии Нодзу атаковали передовые части 3-го Сибирского корпуса... занимавшие сопки у д.Кудязя. Японская артиллерия поддержала эту атаку сильнейшим огнем, а густые цепи японской пехоты, прикрываясь гаоляном, двинулись на поддержку своих передовых атакующих частей. Сражение началось” [260].

Сравните с лермонтовским: “Но тих был наш бивак открытый”...

истощены". Командир 3-го Сибирского корпуса генерал-лейтенант Н.И.Иванов рапортовал: "Потери огромные, но и бодрость духа еще огромна. Все убеждены, что мы никогда не отступим" [262]²⁹⁴.

Столкнувшись с ожесточенным сопротивлением относительно небольших передовых сил Маньчжурской армии, большая часть личного состава которой резервировалась командованием на запасных позициях, Ойяма решился на смертельно опасный, но единственно способный поддержать японское наступление маневр: армия Куроки с целью обхода левого фланга русских войск поздно вечером 17 августа переправляется через реку Тайцзыхе с целью угрозой окружения принудить Куропаткина оставить Ляоян. Английский военный советник при японской армии сэр Я.Гамильтон сравнивал переправу через Тайцзыхе с Рубиконом Цезаря: "ни та, ни другая река не представляли собою препятствия для перехода войск, но раз переход совершен, этим самым их начальники ставили на карту все" [263]. Без артиллерии, с легким стрелковым вооружением, японские дивизии в момент переправы и сосредоточения находились в зоне прямой видимости с позиций 17-го армейского корпуса – но так и не были атакованы. Вновь совокупность случайных событий и обстоятельств, неведомой волей сложившихся в единое целое, не дала русской стороне законного шанса одержать верх. Так, в момент наибольшей уязвимости дивизий Куроки на переправе, практически все командование 17-го корпуса находилось вне его позиций у деревни Сыквантун. Из-за отсутствия на позициях начальника кавалерийской разведки генерал-лейтенанта Добржинского не была своевременно оценена слабость неприятеля. Главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н.Куропаткин, занятый собственным планом наступления, еще до начала сражения предвидевший маневр, совершенный Куроки, передал в штаб 17-го корпуса категорическое воспрещение наступательных действий, "чтобы преждевременными боями не нарушить планов командующего армией" [265]. Считая свои силы на левом фланге достаточными, Куропаткин планировал

²⁹⁴О настрое, царившем в русской армии в первые дни Ляоянской битвы, красноречиво свидетельствуют наблюдения за реакцией раненых на происходящие события. "Известна повышенная нервозность раненных. <Обычно> им кажется, что вместе с ними гибнет все, и по дороге в перевязочный пункт они уверяют всех и каждого, что все офицеры убиты, солдаты "почитай, все пропали" – что дела наши плохи... Так было под Вафангоу, Хайченом, потом на Шахэ. *Под Ляояном – ничего подобного.* Раненые поражали своим спокойствием, своим самоотвержением. С большим воодушевлением они рассказывали об обстоятельствах боя, радуясь, что все идет отлично, что мы удержимся, что на этот раз мы погоним японцев... Огромные потери, которые мы несли от беспрерывных жестоких атак неприятеля, ливня свинца, чугуна и стали, никого не смущали..." [264]

дождаться завершения переправы "через Рубикон" всех сил армии Куроки, "дабы всех их сразу сбросить в реку". Точно из тех же соображений Куропаткин не дал санкции на наступление и на центральном участке фронта, где в течение дня 18 августа истощенность противника и нехватка боеприпасов²⁹⁵ оказывалась более чем очевидной: "были уже случаи, когда за неимением патронов японцы бросали в наши окопы камни... Из наших окопов уже видели, как японские офицеры тщетно пытались увлечь за собою в атаку солдат". Как признавался впоследствии германский военный агент при штабе японской армии, *"если бы в это время русские одним или двумя полками перешли где-нибудь в наступление, они одержали бы под Ляояном блестящую победу"*. [266].

Жизнь внесла жестокие коррективы в логически безупречные планы русского командования, в долгожданный момент генерального сражения опрометчиво отдавшего предпочтение реализации собственной стратегической идеи и высокомерно отмахнувшегося от вызова, брошенного уже теряющим силы противником. Под слабым беспокоящим огнем русской артиллерии завершив переправу, наведя понтонный мост и перевезя по нему орудия, к вечеру 18 августа армия Куроки вновь стала грозной силой, неприятно нависшей над левым русским флангом и создававшей значительную угрозу с тыла в случае японского наступления на центральном участке фронта.

Главная ошибка Куропаткина Командующему Куропаткину, на сей раз поистине пережитившему самого себя, пришлось на ходу разрабатывать новый план действий. В принципе, у Маньчжурской армии сохранялась возможность перейти в наступление при условии, если фланговые позиции у Сыквантуна, прикрываемые ограниченными русскими силами, будут удержаны любой ценой, любой кровью. Если бы генерал-лейтенант Куропаткин, подобно Кутузову при Бородино, находясь непосредственно на поле боя, имел бы возможность хотя бы изредка – через курьеров или обозы с ранеными – видеть лица своих бойцов, понимать степень их решительности и готовности

²⁹⁵В Ляоянском сражении японская армия действительно испытывала сильный дефицит боеприпасов из-за незавершенности работ по перешивке широкой русской железнодорожной колеи захваченного южного участка ЮМЖД. Нетрудно представить, сколь бы усилился этот дефицит, если бы русская тихоокеанская эскадра, сохрани она боевой потенциал для рейдерских операций, сумела отправить на дно хотя бы несколько военных транспортов!

стоять до конца, то он, безусловно, принял бы именно такой план, абсолютно способный принести русской армии успех²⁹⁶. Но, расположившись в благоустроенном штабном вагоне, получая донесения по телефону, Куропаткин не имел возможности оценить и ввести в бой этот "духовный" резерв и был вынужден во всех своих дальнейших построениях опираться на сухой арифметический счет сил, который теперь был не в нашу пользу. В итоге командующим был разработан крайне сложный и трудновыполнимый маневр: отход на главные оборонительные позиции с последующим ударом по армии Куроки путем "развертывания и захождения армии левым плечом вперед" с целью взятия во фланг позиции японцев у р.Тайцзыхе; при этом осью захождения должны были стать как раз те самые части²⁹⁷, в способности которых держать оборону против сил Куроки Куропаткин наиболее сомневался [267, 268].

Сколь бы ни был разумен данный план с позиций военной теории, но своею неясностью и оторванностью от ожиданий войск, жаждавших под Ляояном наступления, согласных умереть в жесткой обороне, но только не готовых выполнять малопонятные маневры, он был обречен. Первый день отвода войск с центральной части ляоянского фронта – 19 августа – стал днем жесточайшего надлома: "Надо было видеть этих отступавших с передовых позиций людей, с серо-зелеными лицами, мутными глазами, бескровными губами, с озлобленными речами по поводу отступления с мест, купленных ценою стольких усилий и жертв, чтобы понять, что эти люди... уже не в силах будут подняться на ту ступень воодушевления и напряжения всех своих сил, которой требовала продолжающаяся битва с энергичным, смелым противником" [270].

Тем временем энергичный и смелый противник не дремал – на рассвете того же дня наступление Куроки заставило русские войска отойти с позиций у Сыквантуна и Янтайских угольных копей,

²⁹⁶Несмотря на успешную переправу сил Куроки, закрепившегося на стратегически выгодном плацдарме, в штабе маршала Ойямы отнюдь не переоценивали собственных достижений и крайне опасались русского наступления на центральном участке фронта, где ему должны были противостоять ослабленные огромными потерями и морально подавленные неудачами армии Оку и Нодзу. Если бы их удалось отбросить буквально на какие-то семь или восемь километров, то связь с армией Куроки оказалась бы прерванной, и ей пришлось бы сильно побороться, чтобы самой избежать окружения. Генерал Я.Гамильтон записал в своих воспоминаниях, что 22 августа в японском штабе ему было заявлено: "Большое счастье для нас, что Куропаткин вчера или третьего дня нас не атаковал. *Нашей удаче как-то даже трудно верить*" [269].

²⁹⁷17-й армейский корпус и два полка 54-й пехотной дивизии под начальством генерал-лейтенанта барона А.А.Бильдерлинга

которые, по замыслу командования, должны были непреложно оставаться "осью маневра". К 20 августа, когда армии Оку и Нодзу, невзирая на колоссальные потери у последней линии русских редутов, прорвались-таки к окраинам Ляояна, стало ясно, что план Куропаткина более не может быть реализован, и вместо угрозы "сбросить Куроки в реку" неприятель сам начал угрожать безопасному отступлению Маньчжурской армии в направлении тылового Мукдена. В 7 часов утра 21 августа оборонявшие Ляоян войска получили приказ об отступлении, спустя два часа скорректированный: отступление надлежало начинать лишь в сумерки. Нетрудно представить, "с каким чувством сознания бесплодности своих жертв... должны были войска отстаивать укрепления, обреченные на оставление их противнику. Это было жестокое испытание чувства их долга – и они выдержали его блестяще. Все атаки японцев и в этот день, как в предыдущие, были отбиты... Огонь наших стрелков был так силен и непрерывен, что деревянные части винтовок у ствола тлели и загорались..." [271].

Британский журналист М.Баринг, находившийся в дни Ляоянской битвы в рядах русской армии, так описывал картину ее завершения: "Если бы можно было с высоты птичьего полета осмотреть поле боя на закате, у человека появилась бы мысль о растерзанном и кровоточащем сердце, из которого, как спицы из колеса, выходили красные артерии, составленные потоками раненых, двигавшихся по каждой дороге, лучами расходившихся по округе" [272].

Грандиозное отступление Маньчжурской армии к Мукдену было проведено практически без потерь – обессиленный неприятель так и не решился на преследование. С оставляемых позиций и тыловых районов были вывезены почти все пригодные военное снаряжение и запасы. Германский военный агент при штабе Куропаткина подполковник фон Лауэнштейн был поражен организацией отвода огромной армии и, в частности, спокойствием и терпением русской пехоты, которая по два часа стояла у мостов в ожидании возможного в любой момент неприятельского огня, пропуская вперед артиллерию и обозы: "Наши германские солдаты спокойно простояли бы минут двадцать, потом стали бы ворчать, потом – ругаться, а потом – самовольно пошли бы, спутав порядок движения" [273].

**Великая битва, не
понятая своей
страной**

Так завершилась пятидневная Ляоянская битва, замышлявшаяся как генеральное сражение, достойное великих битв прошлого. К сожалению, ее сакральный смысл, прекрасно уясненный нижними чинами и строевыми офицерами, в полной мере не был – да и не мог! – быть осознан командованием, попытавшимся противопоставить достаточно бесхитростной тактике японского наступления сложные стратегические расчеты, безукоризненные лишь на бумаге. Если бы Куропаткин, вложив всю свою энергию и талант военачальника в оборудование позиций и подготовку войск с приказом "стоять до конца", а в ходе самого сражения, уподобившись фельдмаршалу Кутузову при Бородино, нашел бы в себе силы дистанцироваться от оперативного управления, положившись на разум и стойкость своих подчиненных, то, безусловно, русские либо удержали бы Ляоян, либо оставили его после нанесения противнику таких чудовищных потерь, адекватно восполнить которые Япония уже вряд ли бы смогла. Окружение армии Куроки или разгром в контрнаступательном ударе армий Оку и Нодзу были, как мы видели, более чем реальными результатами сражения. После Ляоянской битвы открыто говорилось о том, что в основе медлительности, нерешительности и чрезмерной "теоретичности" решений русского командования лежало, по словам Апушкина, "недоверие к запасу нравственных сил". Увы, в русском обществе, на протяжении столетий жившем с искусственным акматическим идеалом, в момент его жесткого испытания иного отношения к собственным нравственным силам вряд ли можно было ожидать. Вместо энергичного преодоления враждебных обстоятельств и сопротивления среды психосоциальный заряд, отравляемый неизжитыми страхами и сомнениями с глубин архетипа, начинал приобретать обратный знак и работать на разрушение собственного тела – традиционного русского социума.

Русские солдаты, покидая Ляоян и занимая очередной рубеж обороны под Мукденом, а также значительная часть личного состава приходивших из России пополнений оставались, пожалуй, единственной общественной группой, сохранявшей высокие мотивации для продолжения борьбы. Маньчжурия, пусть и населенная чужим малознакомым народом, представлялась этим людям частью великой России, "Желтороссией", ничем, казалось бы, не отличимой по своему статусу от столь же недавно приобретенных Приморья или Туркестана. В то же самое время в

Санкт-Петербурге и Москве, не говоря уже о Киеве, Варшаве или Одессе, почин продвинутых столичных студентов, в свое время приветствовавших начало войны распитием шампанского "за победу Японии", становился частью массового сознания.

После Ляояна страна окончательно утратила органичность отношения к событиям русско-японской войны. С одной стороны, большинство русских людей продолжали с болью и надеждой следить за обороной Порт-Артура и ждать хороших новостей от Маньчжурской армии. С другой – привычный акматический идеал экспансии был непоправимо подорван и уязвлен. Обесценивая многовековой исторический опыт народа, в той или иной степени осознаваемый каждым, это разрушало веру, подталкивало к поиску радикальных средств противостояния, в том числе к крайним, отрицающим ценность как чужого, так и личного бытия. Для большинства членов социума, почитающего себя "органичной серединой", терапия в этих условиях должна была состоять в устранении разрыва между не самой лучшей реальностью и гибнущей мечтой, – что и произошло с признанием – впервые на массовом уровне – не только допустимости, но и спасительности для России ухода с занятых территорий. Зерно распада империи было брошено в почву отнюдь не социал-демократами с их тезисом о "праве наций на самоопределение", а начало прорасти, щедро напитавшись "напрасной" русской кровью с сопки Маньчжурии. Ляоянское "Бородино", отделенное от сердца страны не только многими тысячами верст, но и целой эпохой, богатой на события, идеи и лица, но бедной на устройство, – вместо фактора национальной консолидации стало, напротив, источником начавшегося распада Российской империи.